

Марина Андреева

ИНЖЕНЕР ЕГО
ЛЕДЯНОГО СЕРДЦА

Фэнтези * ЛР * Юмор

Схемы судьбы

Марина Андреева

**Схемы судьбы (1). Инженер
его ледяного сердца**

«Автор»

2026

Андреева М.

Схемы судьбы (1). Инженер его ледяного сердца / М. Андреева — «Автор», 2026 — (Схемы судьбы)

Прежде я чинила трубы в Москве. Теперь чиню саму магию в Ардинии. Я — служанка без дара, влюбившаяся в лорда. Он способен взглядом заморозить воду в кране. И считает меня всего лишь полезным инструментом. Два раза он почти меня поцеловал. Дважды я оказалась душой! А потом рвануло так, что чинить пришлось полгорода. И его ледяное сердце — заодно.

© Андреева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 Закон сообщающихся сосудов	5
ГЛАВА 2 Диковинка с кухни	10
ГЛАВА 3 Нежданный покровитель	15
ГЛАВА 4 Лумошка и Башня	20
ГЛАВА 5 Первый прорыв	26
ГЛАВА 6 Казус «Почти-поцелуй» №1	31
ГЛАВА 7 Испытание под землёй	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Андреева

Схемы судьбы (1). Инженер его ледяного сердца

ГЛАВА 1 Закон сообщающихся сосудов

Мой мир рухнул за шесть часов до того, как я провалилась в другой. Буквально. Я сидела в нашем – нет, уже в его – уютном кафе с панорамными окнами и смотрела, как по мокрому асфальту бегут жёлтые отражения фонарей. В руке – распечатка бронирования. «Райские острова, buungalow на двоих, с 15-го по 30-е». Дата завтрашняя. А ещё одна распечатка, из почты его секретарши, неосторожно пересланной мне вместо отчёта, гласила: «Дорогой, жду не дождусь нашей поездки! Твой развод уже почти готов, правда?»

Алексей, мой Алексей, мой начальник и тайный любовник последних двух лет, вчера целовал меня в макушку и говорил, что едет в скучнейшую командировку в Нижний Новгород «поработать с сетями». Сетями. Я, Александра Воронцова, инженер-проектировщик городских коммуникаций, повелась на каламбур. Я даже пожалела его и испекла шарлотку, которую он, должно быть, скормил сейчас своему лабрадору, собирая чемоданы на море с законной супругой.

Ирония была столь густой, что ей можно было штукатурить стены. Специалист по водоснабжению и канализации не заметила, что её банально «слили». Как засорившуюся трубу.

Вот только я была не единственным засором в его системе, как выяснилось. За два года я свято верила в его историю про жену-истеричку, брак-пустышку и грядущий развод «буквально вот-вот». Оказывается, «буквально вот-вот» он обещал и другой – той самой секретарше, чью почту я случайно прочла. А, возможно, и не только ей. Я была его московским «филиалом». Удобным, не требующим обязательств, с интеллектуальными беседами после секса и наивной верой в общее будущее. Общая квартира? Убежище от обеих «официальных» жизней. Общие счета? Отличный способ переводить премии. Общие планы? Декорации для моих дурацких снов. Я думала, мы строим дом. Оказалось, я была наёмным прорабом, которого даже не собирались оплачивать по окончании работ.

Я не плакала. Я сидела и считала. Шестсот сорок три тысячи на совместном счету, которые он, судя по смс от банка, перевёл сегодня утром на карту «для семейных нужд». Два года, три месяца и четырнадцать дней. Три подаренных мне дорогих платья, висящих в шкафу как памятники моей наивности. Я мысленно выстраивала эти цифры в аккуратный столбик, как в смете. Боль отступала, уступая место ледяному, ясному гневу. Я могла рассчитать нагрузку на перекрытие моста, но не смогла вычислить подлость в глазах мужчины, который целый год клялся, что брак пустая формальность.

Мой телефон завибрировал. Сообщение от него: «Саш, вылетаю. Связь может пропадать. Целую. Люблю».

Я посмотрела на эти три слова, потом на распечатку с «буungalow». В голове щёлкнул какой-то тумблер, похожий на звук срабатывающего предохранительного клапана. Всё. Перегрузка. Система отключает эмоции для предотвращения разрушения. Я аккуратно сложила бумажки, выпила остаток холодного капучино, оставила на столе ровно половину суммы по чеку – больше ни копейки его денег – и вышла на улицу. Дождь превратился в противную морось, идеально гармонирующую с моим внутренним состоянием. Нужно было двигаться, куда угодно. Домой? В пустую квартиру, пахнущую его одеколоном и враньём? Нет уж.

Метро «Чистые пруды» встретило меня запахом влажного асфальта, пота и какой-то безнадёжной надежды. Я шла по знакомой плитке, и мой мозг, отчаянно ища точку опоры, цеплялся за привычное: считал шаги (сорок семь до эскалатора), оценивал состояние трещин в облицовке (требуется локальный ремонт, иначе впадение), механически отмечала гул голосов и рёв механизмов. Всё здесь было логичным, предсказуемым, подчинённым законам физики и СНиПам. В отличие от людей, эти тоннели не ввали. Если где-то течёт, это инженерная ошибка, а не злой умысел.

Я спустилась на платформу. Очередной серый день, очередная толпа. Люди сгрудились у края, словно стайка рыб у стекла аквариума. Я предпочла отойти к холодной колонне, чтобы меня не толкали в спину. Тишина внутри меня была оглушительной. В кармане пальто лежал тот самый листок, скомканный в тугой шарик. Я вытащила его, разгладила на ладони, намереваясь порвать на мелкие, нечитаемые клочки и с торжествующим чувством выбросить в урну. Символический акт уничтожения доказательств собственной глупости.

В этот момент громкоговоритель хрипло что-то объявило о задержке поезда на соседней линии. Толпа у края платформы дружно дрогнула, заволновалась и сделала шаг назад. Прямо на меня. Кто-то здоровый и неловкий, отворачиваясь от соседа, толкнул меня локтем в бок. Моя нога, всё ещё обутая в элегантный, но совершенно непрактичный каблук, подвернулась на стыке плиток. Я потеряла равновесие. Листок выпорхнул из пальцев и понёсся к рельсам, подхваченный ветром от тоннеля.

И тут во мне зыграло нечто глупое, абсурдное и принципиальное. Не деньги, не два года жизни – этот клочок бумаги был последним, материальным доказательством. Я не позволю ему укатить в грязную, маслянистую трубу метро, как укатило всё остальное!

Я сделала нелепый прыжок-выпад, пытаюсь поймать его на лету. Каблук грохнулся о предупредительную ребристую полосу. Он скользнул по мокрому пластику, как по льду. Время замедлилось, превратившись в серию чётких, нелепых кадров. Я увидела, как жёлтый листок, кружась, как осенний лист, закрутился в воронке воздуха над рельсами. Услышала нарастающий, зловещий гул приближающегося поезда, ещё невидимого в туннеле. Увидела искажённые гримасой ужаса лица людей, тянущиеся ко мне руки, которые уже не могли помочь.

А потом под ногами не стало плитки. Была лишь тёмная, маслянистая лужа, скопившаяся в каком-то технологическом углублении, в щели между краем платформы и ещё не подошедшим составом. И в неё, в эту жидкую черноту, я и провалилась.

Не в туннель. В лужу. Только эта лужа внезапно оказалась бездонной. Меня не ударило о днище поезда, пронёсшегося через секунду над самой головой. Меня засосало вниз, как в гигантский водоворот, с ощущением стремительного, бесконечного падения в лифте с оборванным канатом. В ушах заглушённо ревел гул метро, переходя в странный, нарастающий свист, похожий на звук рвущейся ткани реальности.

Последней связной мыслью, пронесшейся перед внутренним взором, была не пафосная. «Чёрт. Итоговый КПД моей жизни оказался ниже нуля. И за каблуки, как за инженерную задачу, надо было браться в первую очередь, а не за его дурацкий проект».

Потом – абсолютная тишина, удар о что-то твёрдое, но не смертельное, и густая, непроглядная темнота.

Сознание возвращалось обрывками, как плохой сигнал. Первым пришло обоняние. Запах старой пыли, влажного камня, перепревшего сена и чего-то горьковато-травяного, вроде полыни. Никакого кофе, асфальта, духов. Потом слух: далёкие, неразборчивые голоса за стеной, бормотание, лязг металла о металл, совсем не похожий на звук поезда. Тактильные ощущения были самыми неприятными: я лежала на чём-то невероятно жёстком и холодном, всё тело ломило, как после тяжёлой тренировки, а в левом виске пульсировала тупая, навязчивая боль.

Я заставила себя открыть глаза. Над головой не было свода станции с трубами и проводами. Была низкая, закопчённая каменная кладка, сложенная из грубых, неровных блоков. Я лежала на узкой деревянной лавке, укрытая грубым, колючим шерстяным одеялом. Комната... это был чулан, кладовка. Маленькое оконце с мутным, волнистым стеклом пропускало скудный серый свет. На единственном столе – глиняная кружка и огарок свечи в железном подсвечнике. Больше ничего.

Паника накатила ледяной, тошнотворной волной. Я резко села, и мир поплыл, заплесали тёмные пятна перед глазами. Я взглянула на себя. На мне было не мокрое от дождя пальто и брючный костюм, а длинная, грубая, мешковатая рубаша из небелёного полотна, доходящая до щиколоток. Я потрогала лицо – кожа была гладкой, без следов вечернего макияжа. Волосы... я провела рукой. Они были густыми, длинными и заплетёнными в простую, тугую косу. Мои волосы были короткими, стриженными по плечо.

– Ну, очнулась наша голубушка, – раздался у входа хриплый, незнакомый голос, полный не столько участия, сколько привычного раздражения.

В проёме низкой двери стояла дорожная женщина лет пятидесяти, в простом тусклом платье и поношенном фартуке, с руками красными от работы и щёками, обветренными до красноты. – Три дня как убитая лежала. Доктор посмотрел – сказал, контузия, память могло отшибить. Упала с чердачной лестницы, Алесса. Совсем ошалела, что ли?

Алесса. Не Сандра. Не Александра. Я медленно, как в замедленной съёмке, перевела взгляд с её лица на свои руки, лежащие на коленях. На левой, чуть выше кисти, был маленький, аккуратный шрам-полумесяц. У меня его не было. Никогда. Я инстинктивно дотронулась до ключицы. А вот она – маленькая, идеально круглая родинка чуть выше левой ключицы, у самого края грубого выреза рубахи. Моя. Знакомая точка в абсолютно незнакомом теле, в незнакомом мире.

Мой мозг, верный себе, отказался рассматривать варианты вроде «загробная жизнь» или «сумасшествие». Он, заглушая панику, выдал единственную логичную, инженерную мысль, оформленную сухим отчётом: «Критический отказ системы пространственной навигации. Полная замена операционной оболочки. Требуется срочная диагностика окружающей среды на предмет пригодности для функционирования».

Я открыла рот, чтобы задать базовый, первобытный вопрос «Где я?». Но губы были сухими, язык ватным, и из горла вырвался только хриплый, едва слышный шёпот:

– Вода...

Женщина, которую фрагменты чужой памяти уже начинали идентифицировать как экономку Берту, кивнула с видом человека, выполняющего рутинную обязанность. Она подошла не к кувшину, а к стене, где из пасти грубо вытесанной каменной жабы торчал изогнутый медный носик. Она повернула что-то на его «шее» – небольшой каменный шип, – и из носика полилась тонкая, ленивая струйка воды. Вода была чуть тёплой, и от неё пахло металлом и... статическим электричеством, если такое можно учуять.

«Драконья слеза, – пронеслось в голове обрывком чужих знаний. – Магический кран. Заряд на исходе, пора звать зарядника».

Я взяла подставленную кружку дрожащими руками. Глина была шершавой, прохладной. Сделала глоток. Вода была невкусной, с явным привкусом минералов. Но она была мокрой, настоящей, и она смочила пересохшее горло.

– Спасибо, – проскрипела я, и это хриплое слово стало первым в моей новой, непонятной жизни.

Берта фыркнула, вытирая руки об фартук.

– Отдыхай до вечера. Завтра на кухню выходишь, раз жива. Работы по горло, девиц не хватает. И смотри, – она пригрозила мне пальцем, покрытым застарелыми ожогами, – больше

не вздумай по чердакам шастать и за свитками лезть. Одна голова – хорошо, а с дыркой, как у тебя сейчас, – никак. Совсем никак.

Она развернулась и вышла, захлопнув за собой низкую деревянную дверь. Я осталась одна. Тишина стала гудящей, давящей. Я сжала глиняную кружку так, что пальцы побелели. Что делать? Паниковать? Реветь? Звать на помощь? Кому? Берте, которая видела во мне некую Алессу, неуклюжую служанку? Доктору, который диагностировал «контузию»?

Нет. Первое правило в аварийной ситуации – оценить обстановку и обеспечить базовые потребности. Я уже пила. Следующий пункт – передвижение и безопасность места. Я сбросила колючее одеяло и осторожно встала. Ноги дрожали, но держали. Сделала шаг, другой, опираясь о холодную каменную стену. Подошла к оконцу. На цыпочках, преодолевая головокружение, заглянула наружу.

То, что я увидела, вышибло из головы последние остатки здравого смысла. Двор. Но не московский. Каменная брусчатка, замшелая по краям. Деревянные постройки с крутыми черепичными крышами. И по небу, в серой дымке, медленно, величаво проплывало... существо. Огромное, с кожистыми, перепончатыми крыльями, длинным хвостом и шеей. Оно не рычало, не извергало пламя, оно просто плыло, как дирижабль. Рядом, на уровне крыш, кружились какие-то мелкие пернатые создания, больше похожие на помесь колибри и стрекозы. У меня подкосились ноги. Я сползла по стене обратно на лавку, закрыла глаза. Ладно. Фауна. Требуется отдельного, очень осторожного изучения. Позже. Открыла глаза. Взгляд снова упал на «драконью слезу». Вот. Что-то конкретное. Техническое. Пусть и магическое.

Я подползла к ней на четвереньках. Присела на корточки, стараясь дышать ровно. Осмотрела. Каменное «тело» жабы было покрыто потускневшими, но ещё различимыми гравировками – теми самыми рунами. Медный носик был присоединён примитивной резьбой, без признаков пайки или сварки. Никаких уплотнителей, никаких намёков на вентиль в современном понимании. Я осторожно, кончиком пальца, потрогала одну из рун. Камень под ней был чуть тёплым, будто от слабой батарейки. Заряд, видимо, и правда кончился. Я попыталась мысленно представить схему: источник энергии где-то ниже, проводник по стене, точка выхода... В голове возникла смутная, интуитивная догадка о принципе действия, тут же перекрытая вспышкой чужой, эмоциональной памяти: лицо сурового мужчины, может быть, управляющего, показывающего на камень. «Не трогай, дура бестолковая! Сожжёт до тла!»

Я отдернула руку, как обожжённая. Отлично. Инструктаж по технике безопасности в этом мире тоже существует. Значит, система хоть как-то работает по предсказуемым, пусть и магическим, законам. Моё внимание, блуждающее в поисках хоть какой-то точки приложения, привлекло старое деревянное ведро в углу, наполненное доверху водой. Рядом валялась грязная тряпка. В памяти всплыло: «Носить из колодца во дворе, для черновой работы, полы мыть». Значит, магическая вода из «слезы» – дефицит, для важных нужд. А та, что в ведре, стояла тут явно не один день. Я подползла к ведру. Заглянула внутрь. Вода была мутноватой. И на дне, под слоем какого-то осадка, лежал какой-то металлический предмет. Я сунула руку в ледяную воду и вытащила его. Это был болт. Грубой, ручнойковки, покрытый ржавчиной. Зачем он в ведре? Случайно уроненный? Или...

Мои пальцы, действуя почти автономно, начали обследовать внутреннюю поверхность ведра, скользя по шершавому дереву. И нашли. Небольшую, но отчётливую дырочку в самом стыке дна и стенки. Вода из неё, конечно, сочилась. Медленно, но верно. Вот откуда вечно мокрый, грязный пол вокруг ведра и противный запах сырости в углу.

И тут во мне возникло не человек, а инженер. Первая чётко сформулированная, осязаемая проблема! Не мужчина-тварь, не загадка мироздания, не летающие ящеры. Дырявое ведро. Проблема гидроизоляции. Её можно починить. Сейчас. Я осмотрелась, как инстинктивный зверь, ищущий инструменты. На грубо сколоченной полке над лавкой лежали нитки, большая ржавая игла, обрывок тонкой кожи, возможно, для починки обуви. Нет, паять или

заварить не получится. Но можно сделать обратный клапан, заглушку. В голове сразу, без усилия, начали складываться варианты, расчёты давления, подбор материалов.

Я отломила краешек от лежавшей рядом с кружкой грубой хлебной корки, скатала из мякоти плотный, упругий шарик. Обернула его лоскутом кожи, проткнула самодельной «иглой» из острой щепки с продетой ниткой. Получилась пробка на своеобразной «рукояти»-нити. Я опустила конструкцию в ведро, протолкнула кожаную пробку в дыру изнутри и потянула за нитку, прижимая её снаружи. Пробка встала на место, распёртая набухшей от воды хлебной мякотью, и перекрыла течь. Вода перестала капать на пол.

Я сидела на холодном каменном полу в чужом теле, в чужом мире, под чужим именем, и смотрела на своё примитивное, но рабочее изобретение. И смех подкатил к горлу – невесёлый, истеричный, но настоящий, живой. Я только что променяла «райские острова» и любовь лжеца на каменный чулан с дырявым ведром и умирающим магическим краном. Но я только что, своими руками, повысила КПД этой жалкой системы. Хотя на один процент. Это был не шаг к спасению. Это был шаг к ремонту. А ремонт – это то, что я умела делать лучше всего. Даже если система называлась «магия».

Смех оборвался так же внезапно, как и начался. По щекам потекли горячие, солёные струи. Это были не слёзы по Алексею. Это была ярость. На себя. На свою слепоту. На то, что позволила встроить себя в чужую гнилую схему, где я была расходным материалом. Я вытерла лицо рукавом грубой рубахи, оставив на ткани грязные разводы. Хватит. Здесь, в этом странном месте, не было ни Алексея, ни его жены, ни его любовницы номер два. Не было даже Александры Воронцовой, инженера с разбитым сердцем. Была Алесса, служанка с пробитой головой и дырявым ведром. И у этой Алессы, как выяснилось, были руки, которые умели кое-что делать. И голова, которая, несмотря на дыру, ещё соображала.

Я встала, отряхнулась. Посмотрела на «драконью слезу». Потом на своё ведро. Потом на маленькое окно, за которым проплывали чудеса. Приоритеты выстроились сами собой, чётко, как по инструкции.

1. Физическое выживание: Разобраться с едой, водой, теплом. Берта сказала – завтра на кухню. Значит, будет возможность оценить ресурсы.

2. Сбор данных: Узнать всё о месте, где я оказалась. Осторожно, не вызывая подозрений.

3. Адаптация: Научиться пользоваться местной «техникой». Магической или нет – не важно. Важен принцип действия.

4. ...А уж потом, возможно, подумать о спасении, возврате или чём-то ещё столь же абстрактном.

Пункт первый требовал энергии. Я допила воду из кружки, доела оставшуюся корку хлеба – безвкусную, но сытную. Потом подошла к двери, прислушалась. За стеной слышались шаги, голоса, привычная хозяйственная суэта. Никакой паники по поводу потерянной во времени инженерши. Мир жил своей жизнью. И мне, если я не хотела снова оказаться на улице или в лечебнице для умалишённых, надо было в эту жизнь вписаться. Хотя бы в качестве служанки Алессы, которая странно смотрит на ведра и краны.

Я вернулась к своей лавке, улеглась, натянула одеяло. Тело ныло, голова гудела. Но внутри, под слоем шока и страха, уже шевелилось что-то твёрдое, знакомое. Не надежда. Нет. Расчёт. Если это новая реальность, то в ней есть входные данные и задачи. Моя задача сейчас – не сойти с ума. Алгоритм я уже составила. Осталось выполнить.

За окном сгущались сумерки. Где-то далеко, не в Москве, завыл ветер. И тогда я услышала новый звук – тихое, жалобное поскрёбывание у самой двери, словно кто-то маленький и пушистый пытается пролезть в щель.

ГЛАВА 2 Диковинка с кухни

Утро пришло вместе с рёвом медного колокола где-то во дворе. Я вскочила с лавки от этого какофонического будильника, и мир на секунду снова поплыл. Вчерашняя головная боль притихла, оставив после себя тяжёлое, свинцовое эхо. Я провела рукой по лицу, по грубой ткани рубахи. Реальность не испарилась. Чулан, запах плесени, тихое шуршание в углу – я присмотрелась. Из-за ведра на меня смотрела пара огромных, словно бы светящихся изнутри, глаз. Существо размером с крупного хорька, с шелковистой серо-голубой шерсткой и пушистым, как у белки, хвостом, сидело, настороженно поджав лапки. «Смотритель», – пронеслось в голове. Я медленно моргнула. Зверёк насторожил уши, затем издал тихий, мурлыкающе-щебечущий звук и юркнул обратно в тень. Лумошка. Слово пришло само собой, обрывком памяти Алессы. Безопасно, пугливо, ворует еду. Ладно. Значит, не я одна тут чужая.

Дверь резко распахнулась, впуслав полосу холодного серого света и дородную фигуру Берты.

– Вставай, соня! На ногах лежишь, а не отлёживаешься. На кухню, живо!

Она швырнула в меня свёртком из грубой ткани.

– Это тебе. Приведи себя в порядок, видок-то не ахти. И не пяль глаза как сова на пнях. Ты работу помнишь хоть? Воду носить, полы мыть.

– Кажется... помню, – выдавила я, хватая свёрток.

– То-то «кажется». Гляди у меня.

В свёртке оказалось ещё одно, чуть менее потрёпанное платье из плотной серой ткани, простой фартук и... настоящие портянки и башмаки из толстой кожи на деревянной подошве. Колодки. Элегантные лодочки на каблучке казались теперь плодом роскошной, безумной фантазии. Я быстро переоделась, стараясь не думать о том, как затягивается шнуровка на груди и как болтается платье на моём, в общем-то, не худом теле. Алесса была явно subtilнее. Башмаки оказались на размер велики, но это было лучше, чем ничего. Я вышла в коридор, плетясь за быстро идущей экономкой.

Кухня поместья оказалась огромным, душным и шумным царством. Громадный каменный очаг, в котором горели не дрова, а какие-то светящиеся голубоватые камни, испускал ровное, но слабое тепло. Пахло гарью, травами и влажным камнем. По стенам – полки с глиняной и медной посудой. В воздухе висел запах подгоревшей каши и того самого магического статического электричества, что исходило от «драконьих слёз». Здесь их было три, и все они сочились с разной интенсивностью. Одна, видимо главная, над большой чашей для мытья посуды, текла чуть живее. Две другие, у рабочих столов, еле-еле пускали слюни.

Помимо Берты, на кухне копошилось ещё три девушки. Они бросали на меня быстрые, любопытные взгляды, но тут же отводили глаза, стоило мне на них посмотреть. Одна, с веснушками и хитрыми глазками, тут же шепнула другой: «Смотри-ка, очухалась наша падальщица. Интересно, и сейчас полетит кубарем?»

– Тебе, новенькой, самое простое, – рявкнула Берта, перекрывая шёпот, тыча пальцем в угол, где стояли две огромные бочки. – Вода. В большой – для готовки, из колодца носить. В малой – грязная, для слива. Выносить во двор, в дренажную канаву. Смотри, не перепутай, а то всей похлёбке крышка. И чтобы полы были сухими! Вижу лужу – твоя шкура задымится.

Вот и моя первая трудовая повинность. Я подошла к бочкам. Большая была пуста на две трети. Рядом стояло несколько ведер, точная копия моего вчерашнего «пациента». Я заглянула в малое. Оно было полно мутной, жирной воды с остатками пищи. От него исходил тошнотворный запах. «Дренажная канавка». Звучало логично. Примитивная канализация. Надо будет посмотреть.

Я взяла два пустых ведра и вышла во двор, указанный Бертой. Колодец оказался каменным, с деревянным воротом. Тяжёлое ведро, скрип верёвки, усилие, от которого дрожали руки. Процесс был прост: опустить ведро, с силой крутануть ворот, поднять. Мои неразработанные мышцы горели после третьего подъёма. «Надо бы шестерёнки, – пронеслось в голове. – Или хотя бы противовес».

Одно ведро – я насчитала сорок три оборота рукояти. Сорок три! Энергозатраты несоизмеримы с полезной работой. В инстинктивном протесте мозг начал вырисовывать чертёж: маховик, зубчатая передача, чтобы один оборот ручки давал три оборота барабана. Я даже вздохнула с тоской, представив, как бы это выглядело в металле. Здесь же, судя по всему, кроме дерева и камня, ничего не жди.

Я отнесла воду на кухню, вылила в бочку. Потом схватила полное грязное ведро и потащила его к двери, ведущей в узкий боковой дворик. Там, под стеной, действительно была прорыта неглубокая канава, куда стекала серая вода. Я выплеснула ведро. Вода с лентой поползла по желобу. И тут я заметила: канава в конце двора была почти полностью забита каким-то вязким илом и кухонными отходами. Сток почти прекратился. Если так пойдёт дальше, весь этот двор превратится в болото. Берта кричала про сухие полы... Интересно, как она их собираются мыть, когда тут будет стоячая вода? Техническая недалёковидность била в глаза больше солнечного света.

Они жили в режиме перманентного локального апокалипсиса: дождь – спасение, засуха – катастрофа, а идея профилактики даже не возникала на горизонте сознания. Это напоминало мне отдел эксплуатации на моей прошлой работе: чинили только тогда, когда лифт окончательно вставал между этажами с директором внутри.

Я вернулась на кухню, уже обливаясь потом. Одна из девушек, румяная и пухлая, с насмешкой протянула мне деревянную щётку и тряпку.

– Полы. После себя. Ты же воду пролила. Аккуратней надо, раззява.

Я посмотрела на лужу у своей ноги и на почти пустую «чистую» бочку. Воду я только что принесла, а её уже почти нет. Они тут мыли пол, споласкивали посуду. КПД процесса стремился к нулю. Я молча взяла щётку и принялась скрести каменные плиты, сгоняя грязную воду к порогу. Работа была монотонной, тяжелой и бессмысленной. Но она давала время думать. Я наблюдала, как двигаются люди, как устроено пространство, где что лежит.

Я заметила, как веснушчатая девушка, Линда, ловко орудует ножом, но при этом, чтобы налить воду из «слезы» в котелок, подставляет его, а потом бежит открывать шип второй рукой, расплёскивая половину. Неэффективное движение. Я мысленно провела трубку от крана прямо к месту готовки. Потом вздохнула. Сначала надо было убедить их, что земля круглая, а уже потом предлагать телескоп.

На кухне царил организованный хаос. Девушки что-то резали, месили, переставляли горшки. Берта командовала, периодически подходя к очагу и поправляя пламевики – те самые светящиеся камни. Она что-то бормотала, проводя руками, и пламя то разгоралось ярче, то затухало. Магия. Но какая-то... куцеватая. Как будто она сама не до конца понимала, как это работает, действуя по заученным, полузабытым ритуалам. «Драконы слёзы» сочились всё медленнее. Одна из девушек подошла к одной, потыкала в руну, плюнула с досадой и пошла за водой к моей бочке. Система явно буксовала. Я поймала себя на том, что мысленно рисую схему: источник (колодец или магия), точки потребления (бочки, очаг), точки сброса (канава). Всё было связано в одну хлипкую, неэффективную сеть, которая вот-вот даст сбой.

К полудню моя спина горела огнём, а в голове созрел план. Первый этап сбора данных был в разгаре. Я узнала, где колодец, где слив, как устроена кухня. Узнала, что магия здесь – такой же ненадёжный и капризный инструмент, как и всё остальное. И узнала, что засоренная дренажная канава – это проблема, которая касается всех, но которую все игнорировали, пока она не перельётся через край.

Во время короткой передышки, когда девушки расселись на лавке с мисками какой-то похлёбки, я подошла к Берте, которая что-то выписывала углём на дощечке.

– Экономка, – начала я осторожно, стараясь копировать местный выговор, какой успела уловить. – В малом двореке... канава для грязной воды. Она почти не течёт. Забита. Скоро вода пойдёт назад.

Берта оторвалась от проверки запасов в кладовой и посмотрела на меня так, будто я сообщила, что небо синее.

– Ну и что? Там всегда так. В дождь прочистится. Нечего по дворам шататься, лучше за водой сбегай, в большой бочке уже дно видать.

– Но сейчас не дождь. А вода стоит. Скоро будет... – я искала слово, – антисанитария. Вонь. Может, прочистить?

Одна из девушек, та самая румяная, фыркнула, отложив ложку.

– Ого, Алесса за ум взялась! После того как с лестницы кувыркнулась. Может, сама и прочистишь, раз такая умная? Только смотри, не утони в этой жиже.

Берта махнула рукой, явно раздражённая.

– Отстань с ерундой. Некогда мне с твоими канавами. Работы – непочатый край. Видишь, у меня пламевики чуть живые, зарядник только через три дня будет. Не нравится – когда будешь выливать, лей аккуратнее, в самый конец. Всё само утечёт.

Вот и всё. Проблема не существует, пока не хлынет потопом в кухню. Классика управленческой слепоты. Я вернулась к своей похлёбке. Она была густой, с кусками неизвестного мяса и корнеплодов, и на удивление съедобной. Голод – лучший повар. Пока я ела, с полки за мной наблюдали те самые большие глаза. Лумошка. Она осторожно следила за каждой моей ложкой, её носик вздрагивал. Я отломила кусочек хлеба, скатала шарик и осторожно положила его на пол в метре от себя. Зверёк замер, потом, словно тень, скользнул вниз по стене, схватил добычу и исчез за бочкой с характерным щелчком коготков. Хорошо.

Союз в тишине был ценнее громких слов. На Земле у меня был кот. Он тоже встречал меня с работы, тычась мордой в ногу, и его молчаливое присутствие значило больше, чем все nightly-созывы Алексея. Здесь, в этом мире, эта пушистая тень, принимающая хлеб, стала первым островком чего-то своего, родного в океане чужого.

После еды меня снова отправили за водой. И снова я таскала ведра, наблюдая, как девушки тратят драгоценную принесённую мной воду на мытьё полов, которые через час снова становились грязными от постоянной ходьбы. Это был порочный круг, энергетическая чёрная дыра. В голове, поверх усталости, начали прокручиваться схемы: простой насос с педальным приводом у колодца, чтобы не крутить этот дурацкий ворот. Система желобов от «драконьих слёз» прямо к бочкам. И, чёрт возьми, та самая дренажная канава! Её же можно прочистить тем же длинным шестом, что стоял у колодца! Просто нужен другой наконечник.

Идея с шестом показалась самой реализуемой прямо сейчас. Когда Берта ушла проверять погреб, прикрикнув: «Смотрите тут, обормоты, чтобы ничего не подгорело!», а девушки увлеклись сплетнями про какого-то конюха, я выскользнула во двор. Взяла длинный, с крюком на конце шест, которым обычно цепляли верёвку ведра. Подошла к зловонной канаве. Засучила рукава (отрада – хоть что-то можно было сделать!), воткнула шест в затор и с силой провернула, используя принцип рычага.

Сначала ничего. Потом что-то поддалось с противным чвакающим звуком. Я налегла всем весом, чувствуя, как дрожат руки. Из канавы с чвакающим звуком вылезла вонючая, спрессованная масса из жира, очистков и бог знает чего ещё. Я откатила её лопатой в сторону, к куче мусора. Продвинулась дальше, ковыряя и вытаскивая комки грязи. Через десять минут упорного ковыряния, под крики удивлённых девушек, собравшихся в дверях поглазеть на сумасшедшую, вода в канаве вдруг хлюпнула и понеслась по желобу с весёлым, долгожданным журчанием. Затор был пробит. Чистая, в смысле свободная, гидравлика.

Это было маленькое, но эпохальное событие. Моё первое инженерное свершение в Ардии. Пусть объектом был желоб с вонючей жижей, а инструментом – палка. Но принцип! Я победила энтропию. Ненадолго, но победила. В душе заплясал тот самый азарт, который я чувствовала, когда находила изящное решение для сложного узла на чертеже. Тот самый кайф, ради которого и шла в профессию, пока не увязла в любовных интригах и офисных играх.

Я стояла, опираясь на грязный шест, тяжело дыша. Руки и платье были в неопишуемой вони. Но я смотрела на убегающую воду, на внезапно проявившееся дно канавы, и чувствовала дикое, первобытное удовлетворение. Я починила! Пусть и такую мелочь. Пусть все смотрят на меня как на дуру, которая ковыряется в грязи. Вода течёт. КПД повысился. Система заработала как надо.

Берта, вернувшись с тяжёлой связкой лука, увидела результат и мой вид. Её лицо выразило целую гамму чувств: от гнева («Кто разрешил?») до недоумения («И зачем?») и... смутного, неохотного одобрения.

– Ну и вымазалась же ты, чучело огородное, – проворчала она, подходя ближе и критически оглядывая чистый желоб. – Совсем крыша поехала. Ладно... раз уж взялась и, вижу, не просто языком болтала, теперь это твоя обязанность. Следи, чтобы не засорялось. Каждую неделю проверяй. А сейчас иди отмойся. От тебя за версту несёт, весь суп перебить можешь.

Меня практически вытолкали во внутренний дворик, где из ещё одной «драконьей слезы» сочилась вода в небольшой каменный желоб – примитивная умывальня. Вода была ледяной. Я отскребала с себя грязь куском жёсткой, песчанистой пасты, что лежала рядом (местное мыло, судя по всему), и чувствовала, как по спине пробегают мурашки от чьего-то пристального взгляда. Обернулась. На каменном парапете, греясь в последних лучах солнца, сидела моя лумошка. Она вылизывала лапку, затем посмотрела прямо на меня, склонив голову набок, и тихо, одобрительно, мурлыкнула.

– Ты здесь хозяйка, что ли? – спросила я, протягивая руку. Лумошка потянулась, обнюхала пальцы холодным носом, а затем вдруг прыгнула мне на плечо, ловко уцепившись коготками за ткань. Лёгкий, тёплый вес, мурлыканье прямо у уха. Грусть нахлынула внезапно и остро – вот так же мой кот любил запрыгивать на плечо, когда я работала за компьютером. Я зажмурилась, глядя зверька по шелковистой шёрстке. – Ладно. Друзья, так друзья. Только не воруи мою еду, договорились?

Она спрыгнула и принесла в зубах упавший с ветки ярко-жёлтый лист, положив его рядом с желобом. Возможно, это был комплимент. Или просто блестящая вещь.

– Спасибо, – прошептала я. – Красивый.

Вечером, вернувшись в свой чулан, я нашла на лавке не только тот лист, но и небольшой, отполированный волнами реки камешек. Совершенно бесполезный, но гладкий и холодный. Подарок. Я взяла его в руку, сжала в кулаке. Острые края впились в ладонь. Боль была настоящей. Как и этот камешек. Как и чистая вода в канаве. Как и приятная усталость в мышцах после реальной, а не офисной работы. Как и уважительный, хоть и грубый, кивок Берты, когда я принесла последнее ведро воды. «Ладно, с водой ты справляешься. Завтра покажу, как овощи чистить. Руки-крюки отучим».

Я легла, укрылась одеялом, пахнущим теперь не только пылью, но и дымом очага. За окном уже не выл ветер, а где-то высоко в небе, окрашенном в багрянец, медленно проплывало другое крылатое существо, меньше первого, с длинным хвостом, похожим на ленту. Красиво. И страшно. Но уже не так панически, как вчера. Это был просто фактор среды. Как сквозняк.

Свет за окном погас. В темноте я снова сжала в руке холодный камешек. Он был моим талисманом, доказательством, что я могу влиять на этот мир. Пусть пока на уровне ведра и канавы. Главное – начать. Я мысленно вернулась к пламевикам. Их слабый свет говорил либо о севших «батареях», либо о плохом контакте. Руны... если они как схемы... Надо будет найти того, кто их рисует. Зарядника. Возможно, он знает больше. План на завтра обрёл новую

ветку: 1) овощи, 2) разведка о пламевиках и зарядниках, 3) продолжать приручать лумошку и наблюдать. В голове, как на экране, зажглась зелёная надпись: «ПРОЕКТ «АДАПТАЦИЯ». ЭТАП 1. ВЫПОЛНЕН».

Я уснула с этой мыслью, и сон был без кошмаров.

ГЛАВА 3 Нежданный покровитель

На третий день я обнаружила, что у лумошки есть имя. Вернее, она сама его себе выбрала. Когда я утром шептала: «Эй, пушистик, иди сюда», она проигнорировала. Но стоило мне, разглядывая её переливающуюся шёрстку, пробормотать: «Сияние... Нет, Искра», зверёк поднял голову и издал короткий, одобрителный щебет. Искра. Так и порешили. Это маленькое чувство власти над хоть чем-то в этом мире было сладким, как первая конфета после долгой диеты.

С Искрой на плече я вышла на кухню, где меня уже ждала Берта с горой корнеплодов и кривым ножом. Утро было хмурым, пламевики в очаге светили так тускло, что приходилось щуриться. Воздух был густым от запаха влажной шерсти и тлеющей древесной смолы, которую подбрасывали к магическим камням, чтобы хоть как-то поддержать тепло.

– Вот, – она ткнула в грудь. – Режь на суп. Кубиками. Не соломкой, не ломтями. Чтоб ровно. И смотри на пальцы, а не в потолок.

Я села на табурет, положила морковку. Нож лежал в руке непривычно, баланс смещён к лезвию. Я сделала первый неуверенный надрез. Получился косой, толстый ломоть.

– Матерь богов! – взвыла Берта, хватая мою руку так, что Искра едва не слетела с плеча. – Ты что, никогда ножа в руках не держала? Так и пальцы поотрубаешь! Смотри.

Ее крупные, сильные руки обхватили мои, направляя движение. Ровный нажим, чёткий срез. Идеальный кубик. Память Алессы оставалась немой в этом вопросе. Видимо, оригинал тоже не блистала кулинарными талантами, и мозг услужливо подсказывал: «В деревне Баденовой девицы до шестнадцати лет только прядут да за скотиной ходят, нож в руки не берут». Вот и ответ.

– Сама, – отрывисто скомандовала Берта, отпуская меня. – И не мели ерунды про «в нашей деревне так не резали». Здесь город. Здесь другие порядки.

Я сосредоточилась. Это же не чертёж, а механическая работа. Точность, повторяемость движений. Я представила себе гильотинный резак. Сделала надрез, повернула овощ, ещё надрез. Получилось чуть лучше. Искра с моего плеча внимательно следила за процессом, её нос подрагивал от резкого запаха моркови, а хвост нервно подёргивался в такт ударам ножа.

– Ладно, – фыркнула Берта через десять минут, бросив оценивающий взгляд на мою скромную кучку кубиков. – На суп сойдёт. Потом картошку. И без фанатизма, нам не на королевский пир. У тебя каждый кусочек по весу как под копирку выходит. Страшно.

Я резала, погружаясь в монотонный ритм. Мысли текли сами собой. Пламевики. С момента моего прихода их свет потускнел ещё сильнее. Берта всё чаще поглядывала на них с беспокойством, поправляя неуверенными жестами. «Зарядник только через два дня», – ворчала она, пытаясь круговым движением ладони над камнем «подкачать» угасающее пламя. Результата было ноль. Интересно, кто этот зарядник? Маг-специалист? Ремесленник? Может, он знает, как всё это устроено изнутри, а не по шаманским заученным пассам? Это был мой шанс получить доступ к технической документации этого мира.

– Экономка, – осторожно начала я, не отрываясь от картофеля. – А зарядник... он далеко живёт?

Берта посмотрела на меня с подозрением, положив руки на бока.

– А тебе зачем? Небось, хочешь пожаловаться, что я тебя в работе загоняю и свет хуже копейечной свечи?

– Нет! – я поспешно открестилась, едва не порезав палец. – Просто... интересно. Как он это делает. Руны там чинит, наверное. Хотелось бы посмотреть.

Берта ухмыльнулась, вытирая руки об фартук, оставляя на ткани влажные пятна.

– Ох, уж эти деревенские! Приехали из глухомани, а глазёнки горят на всё магическое. Старина Гораций, он что, по улицам ходит? У него своя мастерская у Восточных ворот. Боро-

дой в пол, весь в саже от эфирной копоти. Но зря ты голову морочишь. Это тебе не коров доить. Наука. Только избранным дано. Тебе бы с ножом сперва управиться.

Она отвернулась, закончив разговор. Но информация была добыта. Гораций. Мастерская у Восточных ворот. Старик в саже. Звучало как дом ремесленника, а не дворец мага. Отлично. Значит, доступ к нему может быть проще, чем я думала. Но Берта права – сначала надо освоить азы выживания здесь. Например, не потерять все пальцы за один день.

Внезапно Искра насторожилась, прижав уши. Её тело напряглось, как пружина. Через секунду в кухню, грохнув дверь, ворвался запыхавшийся мальчишка-конюх, с лицом, раскрасневшимся от быстрого бега.

– Госпожа экономка! В саду... фонтан! Он работает! Как бешеный!

Тишина повисла на мгновение, а затем взорвалась гомоном.

– Какой фонтан? – Берта вытаращила глаза, выпустив из рук половник. – У нас фонтанов пять, какие ещё?

– Мраморный, в старом саду! За западной стеной! Он двадцать лет молчал, а сейчас... вода бьёт выше головы! Все сбежались смотреть!

Девушки бросились к узкому окну, вытирая руки, толкаясь и пытаясь разглядеть что-то через стекло, заляпанное жиром. Берта, бормоча что-то нечленораздельное про «не к добру» и «старые духи», потянулась за связкой ключей, висевшей у пояса. Инстинкт велел мне остаться на месте, но любопытство было сильнее. Фонтан? Тот самый, который я... починила в первый день, просто прочистив засор и интуитивно выровняв камни? Неужели до сих пор работает? И, судя по крику, не просто сочится, а бьёт фонтаном. Значит, система давления восстановилась полностью. Моё первое, неосознанное вмешательство дало долгосрочный эффект. Гордость и ужас смешались в один клубок в желудке.

– Ты, – Берта обернулась ко мне, сверкнув глазами. – Тоже иди. Раз уж ты там в тот день была, когда с лестницы грохнулась. Может, и причастна. Напугала водяного, что ли.

Её тон не предвещал ничего хорошего. Мы высыпали во внутренний двор и ринулись по каменной дорожке к заросшему, заброшенному саду. Туда уже стекались слуги, садовники, конюхи, дворовая челядь – все, кто мог оторваться от работы. И над зелёным хаосом кустарников и буйных роз действительно бил в небо высокий, сверкающий на солнце столб воды. Шум падающей воды, гулкий и радостный, заглушал толпу. Воздух вибрировал от свежести.

Я протиснулась вперед, чувствуя, как Искра впивается коготками мне в плечо. Фонтан был великолепен. Древняя мраморная русалка, из рук которой теперь хлестала не слабая струйка, а мощный, полноводный поток, разбивавшийся о её каменные пальцы на мириады брызг. Вода падала в широкую чашу, переливалась через края в нижний бассейн, наполняя его до краёв. Это была не просто работающая конструкция – это было произведение искусства, ожившее после долгой спячки. И я к этому причастна. Крошечная, неосознанная тогда попытка навести порядок обернулась таким чудом.

– Кто это сделал? – раздался чей-то голос из толпы.

– Магия, должно быть... Само по себе не оживёт... Может, лорд...

– Говорят, старая Алесса в тот день тут шастала, после падения... Видели, как она что-то у фонтана делала.

Все взгляды медленно, нехотя поползли в мою сторону. Я почувствовала, как горит лицо, а ладони стали липкими. Берта смотрела на меня, оценивающе скосив глаза, её губы плотно сжались.

– Ну? – протянула она, перекрывая шум воды. – Была же там. Видела что? Говори при всех.

Я откашлялась, пытаясь найти нужные, простые слова.

– Я... я просто ветки убирала, сухие. И... камень какой-то из стока вынула. Застрял. Вот и всё.

– Камень, – скептически протянула Берта, и в её голосе прозвучало всеобщее неверие. – От камня такой силы не бывает. Тут или старая магия проснулась, или чья-то новая рука поработала.

В этот момент толпа расступилась с почтительным, испуганным шорохом. По дорожке, не спеша, ступая по мокрой от брызг траве, шёл мужчина. Высокий, в тёмно-синем, почти чёрном камзоле, отделанном серебряной нитью, с высоким воротником. Его чёрные волосы были идеально убраны, а на лице я впервые разглядела тот самый шрам – тонкую, бледную, почти изящную линию вдоль левой скулы, будто кто-то провёл по фарфору алмазом. Он шёл, и люди затихали, отступая, образуя живой коридор. Его светло-синие, ледяные глаза скользнули по фонтану, оценивая высоту струи, по толпе, по Берте... и остановились на мне. На мне одной. Взгляд был холодным, пронзительным и невероятно тяжёлым. В нём не было ни гнева, ни любопытства толпы – только расчётливый, всевидящий анализ. Казалось, он видел не служанку в грязном фартуке, а схему, чертёж, причинно-следственную связь. Я инстинктивно отвела глаза, но было поздно – он уже заметил эту реакцию, эту попытку спрятаться.

– Что за шум? – его голос был тихим, ровным, но каждое слово падало в наступившую тишину, как отточенная сталь. – Берта? Объясните.

Экономка выступила вперед, сгибаясь в неловком, привычном реверансе.

– Милорд д'Амори. Фонтан... заработал. Сам собой. Нежданно. Девчонка тут, Алесса, говорит, камень вынула из стока. Больше ничего.

Лорд Каэлен д'Амори. Он подошёл ближе, к самой кромке бассейна, не обращая внимания на брызги, летящие на его дорогие сапоги. Его взгляд изучал струи воды, движение, траекторию, точку выхода. Он смотрел, как инженер смотрит на работающий механизм, ища изъян или гениальность решения. Потом он медленно, неотрывно глядя на воду, обернулся ко мне.

– Камень. Где именно?

Мой язык прилип к нёбу. Я сделала шаг, ощущая, как дрожат колени, и указала на основание скульптуры, где сходились мраморные потоки, образуя нечто вроде чаши.

– Там... в месте схождения всех струй. Застрял. Я его пальцами выковырила.

– И ты его просто... вынула? – в его голосе не было ни гнева, ни одобрения. Только холодный, безличный интерес, как у учёного к необычному образцу. – Руками? Без инструментов? Без... призыва?

Последнее слово он произнёс с лёгким, едва уловимым ударением. Я отрицательно качнула головой, не в силах вымолвить слово. Искра на моём плече замерла, прижавшись, её мурлыканье стихло, она вся превратилась в комок настороженного внимания.

Он вдруг протянул руку – длинные, изящные пальцы без украшений, если не считать тёмного перстня на мизинце. Я вздрогнула, ожидая удара или хватки. Но его пальцы лишь слегка, почти невесомо коснулись моего запястья, повернули руку ладонью вверх, заставив разжать кулак. Он смотрел на свежие мозоли, на ввевшуюся в кожу грязь и сок овощей под ногтями, на мелкие царапины от веток. Смотрел, как будто читал по ним мою историю.

– Интересно, – произнёс он так тихо, что, кажется, услышала только я и, возможно, Искра. В этом слове была не похвала, а констатация факта, как если бы он сказал: «Эта деталь имеет нестандартную форму».

Потом отпустил мою руку, и его прикосновение исчезло, оставив на коже ощущение лёгкого ожога. Он обратился к Берте, и его голос снова приобрёл ту резкую, командную звучность:

– Эта служанка. Она смыслённая? Исполнительная?

Берта растерянно заморгала, глядя то на него, то на меня.

– Да как сказать, милорд... Работает, не ленится. Канаву вчера прочистила сама, без спроса. Но голова... после падения того, знаете, не ахти. Может, заговаривается.

– Достаточно, – он отрезал, не дав ей договорить. Его взгляд снова впился в меня, и на этот раз в нём появилась решимость, словно он поставил точку в каком-то внутреннем расчёте. – Ты умеешь считать? Читать? Хотя бы буквы различаешь?

Вопрос был настолько неожиданным, что я кивнула, прежде чем осознала, что это может быть ошибкой. Простая деревенская девушка могла быть и неграмотной. Но было поздно.

– Да... милорд. Немного.

– Хм. – Он издал короткий, ничего не выражающий звук. Потом повернулся к экономке, и его следующая фраза прозвучала как приговор, не терпящий возражений: – Она переходит ко мне. В архивариусы-помощники. Собери её вещи. Сейчас.

В кухне повисла гробовая, оглушительная тишина. Даже шум фонтана, казалось, приглушился из уважения к этому моменту. Берта открыла рот, её лицо покраснело от замешательства и попытки что-то возразить.

– Но, милорд... архивы... она же простая девка, грязи на ней больше, чем знаний! Да и свитки старые, магические...

– Я не спрашиваю твоего мнения, Берта, – голос Каэлена оставался ровным, но в воздухе внезапно запахло озоном и опасностью, будто перед грозой. – Ты слышала приказ. Она будет работать в башне. Найди ей комнату под крышей, в башенных покоях для прислуги. И чтобы она была чиста, одета соответственно и накормлена. С завтрашнего утра она приступает к обязанностям.

Потом он посмотрел на меня в последний раз, и его взгляд стал инструкцией.

– Ты. Завтра в час дня быть в западном крыле башни. Поднимись по главной лестнице до галереи, найди дубовую дверь с знаком свитка и пера. Кабинет хранителя свитков. Скажешь, что от меня. Всё поняла?

Я смогла только кивнуть, сжав до боли руки в кулаки. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Он развернулся и ушёл так же неспешно, как и пришёл, не оглядываясь, растворившись в тени арки. Он оставил после себя взрыв шепотов, недоумённые, испуганные и завистливые взгляды. Берта смотрела на меня теперь совершенно иначе – не как на неумеху или странную, но безвредную единицу, а как на непонятную, возможно, опасную аномалию, которая только что перескочила через несколько ступеней иерархии прямым указом самого лорда.

– Ну, – процедила она наконец, сгребая с лица непослушную прядь. – Поздравляю, архивариус. Видать, камень-то твой был не простой. Или руки. Иди собирайся. И сними с плеча эту тварь, в башне зверей не держат, они книги грызут.

Но когда я попыталась осторожно снять Искру, та вцепилась коготками в ткань платья так, что порвала пару ниток, и издала низкое, предостерегающее шипение, направленное прямо на Берту. Экономка отшатнулась.

– Ладно, чёрт с тобой! – махнула она рукой, поняв, что сегодня проиграла все битвы. – Только смотри, если нагадит где или испортит что... Твоя голова ответит. В прямом смысле.

Я вернулась в свой чулан в состоянии глубокого шока, механически переставляя ноги. Архивариус? К нему? В башню? Это был не подъём по карьерной лестнице, а прыжок с парашютом в неизвестность, причём парашют вызывал большие сомнения. Он что-то заподозрил. Увидел во мне необычный инструмент. Игрушку, которая может оказаться полезной. Или угрозу, которую нужно держать на виду. Я не знала. Но его взгляд... он видел слишком много. Он не поверил в «камень». Он искал причину, и, кажется, нашёл её во мне.

Я машинально собрала свои жалкие пожитки: второе платье, тряпки, тряпицу, которую использовала как платок, и тот самый холодный камешек от Искры. Всё имущество мира умещалось в один узел. Лумошка, сидя на лавке, наблюдала за мной, склонив голову набок, её большие глаза отражали тусклый свет из окна.

– Всё, – сказала я ей тихо, садясь рядом и проводя рукой по её шелковистой спине. – Мы переезжаем. На самый верх. К самому дракону в его логово.

Она мурлыкнула, потёрлась щекой о мою руку, как будто это было самой прекрасной и логичной идеей на свете. Её бесстрашие было заразительным. Или глупым. Пока не ясно.

Вечером я лежала уже в новой комнате – всё такой же каменной и аскетичной, но расположенной высоко в одной из башен. Комната была чуть больше, с крошечным, но настоящим окном, из которого открывался вид на вечерний город: море тёмных черепичных крыш, острые шпили, силуэты летающих существ, прорезающие багровую полосу заката. Воздух здесь был чище, холоднее. Искра свернулась тёплым, пульсирующим калачиком у меня на груди, согревая своим меховым теплом. Её мурлыканье было единственным знакомым звуком в этой новой, высокой тишине.

Завтра. Архивы. Кабинет хранителя свитков. Лорд Каэлен д'Амори. Мой новый, единственный и абсолютный начальник. От этой мысли по спине побежали мурашки – не только от страха. Было в нём что-то... неотвратимое. Магнитное. Опасное, как высокое напряжение или глубокая вода. К нему нельзя было прикасаться голыми руками, но оторвать взгляд было невозможно. Его шрам, его холодные пальцы, его голос – всё это сложилось в образ силы, которую я ещё не понимала, но уже чувствовала кожей.

Я зажмурилась, пытаюсь заглушить хаос в голове. Внутренний отчёт запустился сам собой. «Проект «Адаптация», – мысленно констатировала я. – Этап 2: «Встраивание в систему». Цель: выжить в башне, изучить архивы, понять правила игры и границы дозволенного. Ограничение: не привлекать к себе излишнего внимания лорда Каэлена». Я уже чувствовала, как это хрупкое ограничение трещит по швам и рассыпается в прах. Его внимание уже было на мне, тяжёлое и прицельное.

Снаружи, далеко внизу, снова завыл ветер, гоняя по пустым ночным улицам прошлогодние листья. Но здесь, наверху, его вой был приглушён толстыми стенами. Ближе был только гул собственной крови в ушах, стук сердца и тихое, успокаивающее мурлыканье маленького пушистого союзника, который, кажется, совсем не боялся драконов. А может, просто не понимал, насколько они бывают опасны.

ГЛАВА 4 Лумошка и Башня

Первую половину дня я провела в мучительном ожидании. Новое платье, выданное Бертой, оказалось темно-серым, простым, но чистым и без заплат. Оно странно сидело на мне – в плечах узко, в талии широко, будто шили на другую фигуру. Видимо, это была униформа башенной прислуги. Искра приняла его за должное, устроившись на подоконнике и наблюдая, как я безуспешно пытаюсь привести в порядок непослушные волосы без зеркала.

Этот грубый серый балахон был очередным гвоздем в крышку моего старого «я». Каждая неудобная складка напоминала: ты здесь – призрак в чужой плоти, занимаешь не своё место. Где-то, может, настоящую Алессу ждали в деревне. Или оплакивали. Эта мысль оставляла во рту горький, металлический привкус вины. Я гнала её прочь. Здесь и сейчас существовала только я – с мозгом инженера, руками служанки и пушистым союзником на подоконнике.

Мои собственные волосы были короткими, и эта длинная, чужая коса раздражала невыразимо. Пришлось заплести её туго, чтобы не лезла в глаза. На какое-то мгновение я представила ножницы. Но мысль о том, что могу нарушить какой-то неписанный дресс-код и привлечь ещё больше внимания, остановила.

Ровно в час, сжимая в потной ладони камешек-талисман, я вышла в коридор. Тишина в башне была иной – не бытовой, а давящей, насыщенной. Воздух вибрировал от едва уловимого гула, будто где-то в стенах работал гигантский трансформатор.

Свет падал не из окон, а из парящих под потолком магических сфер, излучающих ровный холодный свет. Ни теней, ни бликов. Идеальное, бездушное освещение.

Оно напоминало свет в операционной или в серверной. Функционально, стерильно, без намёка на уют. Здесь не жили – здесь работала какая-то сложная, невидимая машина, а люди были лишь её обслуживающим персоналом. Даже воздух был обезличенным, лишённым запахов жизни – готовки, кожи, простых человеческих эмоций.

Я шла по ковровой дорожке, и мои деревянные башмаки отдавались глухим стуком по камню. Искра шла рядом, пушистый хвост трубой. Она, кажется, восприняла наше повышение как должное и теперь осваивала новые владения. Она шла с видом полноправной владелицы поместья, обнюхивая углы и оглядываясь на меня, словно проверяя, следую ли я. Её уверенность была комичной и немного задевала. В конце концов, это я должна была вести нас. Но в этом новом, подавляющем пространстве её инстинкты явно работали лучше моего перегруженного анализами мозга.

Лестница оказалась широкой, винтовой, из тёмного полированного камня. Ступени были стёрты посередине – сколько людей прошло здесь за века? Я считала их, чтобы успокоить нервы. Сорок семь.

Галерея наверху опоясывала огромный, уходящий вниз атриум. В центре него, прямо в воздухе, медленно вращалась сложная конструкция из хрустальных сфер и металлических дуг – что-то вроде магического планетария или часов. Зрелище завораживало и пугало.

Я оторвала взгляд и стала искать дверь. Знак свитка и пера оказался вырезанным на тёмном дубе. Я замерла перед ней, внезапно осознав, что не знаю, как здесь принято входить: стучать? Ждать?

Пока я размышляла, дверь бесшумно отъехала в сторону, растворяясь в стене.

Внутри был не кабинет, а огромная, просторная комната-библиотека. Высокие потолки, стеллажи до самого верха, заставленные свитками, фолиантами и странными кристаллическими пластинами. Воздух пах старым пергаментом, пылью и... озоном.

За большим столом, заваленным бумагами, сидел пожилой человек. Не Гораций, судя по отсутствию сажи. Он был худым, с жидкими седыми волосами и очками на кончике носа, сквозь которые он уставился на меня с выражением глубочайшего недовольства.

– Ты и есть та самая? – спросил он, не здороваясь. – Новаяявленная «помощница»? Присланная самим лордом?

– Да, – выдавила я. – Меня зовут Алесса. Мне приказано...

– Я в курсе, что тебе приказано, – перебил он, тыкая пером в сторону груды свитков в углу. – Видишь? Это отчёты о сезонных колебаниях магического фона за последние пятьдесят лет. Их нужно переписать, систематизировать и составить сводную таблицу. Руны угасающих пламевиков в третьем квартале города занести отдельно. Всё понятно?

Я посмотрела на груды. Это была не работа, а наказание. Или тест.

– Понятно, – сказала я. – А как... систематизировать? По какому принципу?

Старик, представившийся хранителем Орвином, закатил глаза.

– Боги, да они мне детей в помощь присылают! По хронологии, глупышка! По датам! И не перепутай свитки Восточного и Западного района, они помечены разными цветами шнурков.

Я подошла к груде. Шнурки были выцветшими, и цвета почти не различались. Система хранения, достойная московского архива 70-х годов.

Свитки были свалены в кучу, словно дрова. Никакой защиты от влаги, пыли, света. Ценная информация гнила и рассыпалась в прах из-за элементарной безалаберности. Мой профессиональный дух возмутился. Это был не архив, а помойка. И мне предстояло навести в ней порядок. Своего рода вызов.

– А можно я... придумаю свою систему? Чтобы быстрее искать? – рискнула я спросить.

Орвин смерил меня взглядом, полным жалости и презрения.

– Придумай. Только потом, когда ничего не найдётся, отвечать будешь костями. Место твоё там, – он махнул рукой в сторону маленького столика у стены, заваленного обрывками пергамента и пустыми чернильницами.

Я подошла, смахнула пыль и уселась. Искра тут же запрыгнула на стопку свитков рядом и улеглась, свернувшись клубочком.

– И зверька своего привела, – заметил Орвин без особого интереса. – Смотри, если хоть один свиток погрызёт – шкурку с неё спущу на перчатки.

Искра фыркнула, словно поняв угрозу.

Орвин не обратил на это внимания, погружившись в свои бумаги. Между нами установилось хрупкое перемирие невмешательства. Он – в своём углу со своей пылью, я – в своём, с растущими стопками и лумошкой-охранником. Тишину нарушало только шуршание пергамента и поскрипывание его пера.

Я развернула первый попавшийся свиток. Почерк был ужасен, язык витиеватый и наполненный метафорами. «Дыхание подземных жил ослабло, словно уставший великан...» Что это значит? Сейсмическая активность упала? Нужно было перевести этот бред в цифры. У меня не было выбора.

Но это был тот самый хаос, который я умела укрощать. Слова «великан», «дыхание», «усталость» я мысленно заменяла на «давление», «цикл», «снижение мощности». Постепенно из-под слоя поэтического бреда начали проступать контуры реальных данных. Это было как расшифровка древнего шифра, и азарт от этого постепенно побеждал усталость и раздражение.

Я взяла чистый лист, заточила перо (это оказалось на удивление медитативным занятием) и начала выписывать: дата, локация, описание явления, предполагаемая «магнитуда» по моей шкале от 1 до 10.

Работа поглотила меня. Это был хаос, но хаос, который можно было упорядочить. Я создавала в уме базу данных, распределяя свитки по стопкам: геомагическая активность, погодные явления, сбои в работе артефактов. Через час на моём столе воцарился идеальный порядок, понятный только мне. Орвин пару раз бросил на это косой взгляд, но ничего не сказал.

Видимо, мой метод его заинтриговал, но признать это вслух было выше его сил. Он был человеком системы, где всё должно было делаться «как всегда». А я была живым воплощением

этого «как не надо». Наша тихая война продолжалась, но теперь у меня был стратегический перевес в виде логики.

Вдруг Искра насторожилась. Она подняла голову, уши наострились в сторону двери. Через секунду дверь снова бесшумно растворилась.

В проёме стоял лорд Каэлен. Он не смотрел на меня. Его взгляд скользнул по комнате, по стеллажам, и остановился на Орвине.

– Отчёт по Восточному коллектору, – сказал он ровным тоном, не требующим ответа. – Он должен быть здесь.

Орвин засуетился.

– Конечно, милорд! Сейчас, я помню, он был... – он начал лихорадочно рыться в стопках на своём столе.

Я наблюдала. Отчёт лежал у меня в стопке «Инфраструктура. Водоснабжение. Сбои». Я пометила его условным знаком – волнистой линией. Я знала, где он.

Мгновение я металась внутри: выдать себя и помочь, сохранив лицо перед лордом, или промолчать, сохранив видимость нейтралитета перед Орвином. Первый вариант сулил риск, но и потенциальные дивиденды. Второй – безопасное болото. Инстинкт инженера, для которого нерешенная задача – личное оскорбление, перевесил. Я не могла смотреть на эту беспомощную суету.

Минута молчаливого поиска Орвина затягивалась. Каэлен не двигался, но атмосфера в комнате сгущалась, как перед ударом молнии.

Не думая о последствиях, я встала, подошла к своей стопке и вытащила оттуда довольно потрёпанный свиток с синим, выцветшим шнурком.

– Вот он, милорд, – тихо сказала я, протягивая свиток.

Орвин замер с открытым ртом. Каэлен медленно перевёл взгляд на меня. Впервые за сегодня я увидела в его глазах не холодный анализ, а искру живого, острого интереса.

– И как ты его нашла? – спросил он. – За минуту.

Я показала на свои стопки и нарисованный на верхнем свитке значок.

– Я их перераспределила. По типу проблемы. Это инфраструктурный сбой, связанный с водой. Вот эта стопка. А внутри стопки – по датам. Этот самый свежий.

Орвин начал что-то бормотать про «самоуправство» и «нарушение порядка», но Каэлен поднял руку, и тот мгновенно замолчал.

Лорд взял свиток из моих рук. Его пальцы слегка коснулись моих.

– Продолжай, – сказал он мне. Потом повернулся к Орвину. – И не мешай ей. Если её метод работает быстрее твоего, значит, он лучше.

Он ушёл, унося с собой свиток и оставив после себя гробовую тишину и хранителя, побагровевшего от унижения.

Я вернулась к своему столу, чувствуя, как дрожат колени. Я только что встала между двумя силами. И одна из них, более могущественная, на моей стороне. Пока.

Это был опасный манёвр. Я не просто показала эффективность – я публично унизила хранителя, пусть и ненамеренно. Теперь у меня был могущественный покровитель и заклятый враг под одной крышей. Балансировать между ними будет сложнее, чем пройти по лезвию того самого ножа для овощей.

Орвин больше не обращался ко мне до конца дня. Я работала, погружённая в свитки, открывая для себя мир магической инженерии через призму жалоб, отчётов и предсказаний. Всё было так неэффективно! Все описания – качественные, ни цифр, ни графиков. Невозможно строить прогнозы!

Мои пальцы сами тянулись к перу, чтобы на полях набросать график, вывести формулу. Но это были бы непонятные здесь каракули. Мне нужен был язык, который поймут в этом

мире. Язык магии? Или язык фактов, который я могла бы им преподать? Пока что я лишь тихо бунтовала, создавая свою тайную картотеку в голове.

К вечеру, когда свет сфер стал ещё холоднее, Орвин мрачно объявил:

– На сегодня хватит. Завтра продолжишь. И убери за собой.

Я аккуратно сложила свитки по своей системе и вышла, чувствуя, как ноют спина и глаза.

На обратном пути в свою комнату я заблудилась. Башня была лабиринтом. Лестницы, ответвления, одинаковые коридоры. Я шла, пытаюсь запомнить повороты, но вскоре поняла, что хожу по кругу. Паника начала подступать.

Глупая, детская беспомощность охватила меня. Я могла систематизировать хаос столетий, но не могла найти дорогу в нескольких коридорах. Это было унижительно. Искра, кажется, почувствовала мой страх. Она перестала бежать и вернулась, тычась мокрым носом в мою ладонь, словно говоря: «Успокойся. Доверься».

Искра, сидевшая у меня на плече, вдруг спрыгнула и побежала вперёд по коридору.

– Искра! Куда?!

Она обернулась, посмотрела на меня, как бы говоря «иди за мной», и скрылась за поворотом.

Мне ничего не оставалось, как последовать. Она привела меня к узкой, неприметной двери, которую я раньше не замечала. Дверь была приоткрыта. Из щели лился тёплый золотистый свет и доносился... плеск воды?

Я осторожно заглянула внутрь. Это была небольшая, уютная комната с большим окном. В центре стояла круглая каменная купель, наполненная водой. Над ней, в потолке, была вмурована большая светящаяся руна, от которой вода в купели мягко подсвечивалась изнутри, словно аквариум. Вдоль стен стояли полки с пузырьками, склянками, сушёными травами. Это была ванная комната. Личная. Магическая.

Роскошь, о которой я и не мечтала в последние дни. Чистота и тепло стали навязчивой идеей. Разум кричал об опасности, но тело, уставшее от холода, грязи и постоянного напряжения, тянулось к этому оазису почти с животной силой. Это была ловушка, и я шагнула в неё с открытыми глазами, потому что слишком устала быть настороже.

Искра уже сидела на краю купели, умывая лапку, явно довольная собой.

Жажда чистоты после пыльных свитков и вчерашней грязи была сильнее страха. Я вошла, закрыла за собой дверь. Механизма замка не было. Я придвинула к двери тяжёлый стул.

Вода оказалась идеальной температуры – тёплой, но не горячей. Она пахла чем-то цветочным и свежим. Магия явно работала здесь на полную. Я скинула платье, с трудом распутала косу и погрузилась в купель с тихим стоном наслаждения. Вода смыла напряжение дня, пыль архивов, запах страха.

На миг я закрыла глаза и представила, что это моя ванна в моей квартире. Шум не метро за окном, а обычного города. Запах не лаванды и магии, а привычного геля для душа. Но когда я открыла глаза, меня встретило свечение чужой руны и отражение в воде не моего лица. Побег не удался. Я была здесь.

Искра наблюдала, затем решила, что тоже хочет участвовать, и аккуратно, цепляясь коготками, спустилась по моей руке к воде. Она коснулась лапкой поверхности, фыркнула от неожиданности, но потом начала пить, причмокивая.

Я лежала, глядя на светящуюся руну на потолке. Это была не просто картинка. Это была схема. Я видела в ней контуры контура, потоки энергии. Понимание щёлкнуло, как замок. Руна не «давала» воду. Она её подогревала и, возможно, очищала. Источник был где-то ниже. Значит, система есть. И её можно изучить.

Руна манила, как неразгаданная головоломка. Я прищурилась, пытаюсь мысленно разложить её на составляющие, найти точку входа и выхода энергии. Если понять принцип, можно

попробовать его воспроизвести. Улучшить. Или хотя бы починить, когда потухнет. Мысль была такой дерзкой, что от неё стало теплее.

Плеск воды, тёплый пар, мурлыканье Искры – всё это создавало иллюзию безопасности. Я закрыла глаза.

Резкий скрип двери заставил меня вздрогнуть и сесть, обнимая себя за плечи.

В дверном проёме стоял лорд Каэлен. Он замер, его рука ещё лежала на ручке. Его ледяные глаза скользнули по моему лицу, по влажным волосам, по плечам, выступающим из воды. Его взгляд был быстрым, оценивающим, но не похабным. Скорее... удивлённым. Как будто он нашёл в своей библиотеке не ту книгу.

Искра громко зашипела, встав между мной и им на краю купели, шерсть дыбом.

Я не могла пошевелиться, не могла найти слов. В голове стучало только: «Нарушение. Глупость. Конец».

Он первым нарушил тишину.

– Мой аптекарь жаловался, что кто-то трогает его запасы лаванды, – сказал он спокойно, как будто мы беседовали в его кабинете. – Теперь я вижу, кто. Ты не только архивы систематизируешь, но и личную ванну хозяина башни осваиваешь.

– Я... я заблудилась, – прошептала я. – Дверь была открыта.

– Она всегда открыта для меня, – парировал он. – Для других – нет.

Он сделал шаг вперёд. Я отпрянула к дальнему краю купели, вода хлопнула.

– Успокойся. Я не собираюсь тебя топить. Хотя повод более чем достаточный.

Он подошёл к полке, взял один из пузырьков, посмотрел на этикетку.

– Лаванда, действительно. У тебя хороший вкус. Она успокаивает нервы. Тебе, судя по всему, нужно.

Он поставил пузырёк на место и повернулся ко мне.

– Завтра, после работы в архиве, ты спустишься ко мне в кабинет. В час дня. У нас есть что обсудить. Касательно твоих... методов. И того, как они могут быть применены с большей пользой. Всё поняла?

Я кивнула, не в силах выговорить ни слова.

– Хорошо. И выгони своего зверька. Он мне всю мебель перецарапал, пока искал тебя.

Только тогда я поняла – Искра привела меня сюда не случайно. Она почуяла воду. И, возможно, его запах. Она привела меня прямо в его логово.

Каэлен вышел, закрыв за собой дверь. На этот раз я услышала тихий щелчок замка.

Я выскочила из воды, дрожа от холода и шока, схватила полотенце со стула. Искра прыгнула мне на плечо, мурлыча, довольная происходящим.

– Спасибо, – прошептала я ей, обнимая её мокрый комочек. – Ты чуть не got me killed, но... спасибо.

Она лизнула меня в щёку.

Я быстро вытерлась, надела платье на влажное тело и выскользнула в коридор. Найти дорогу обратно в свою комнату оказалось проще – я просто шла от самых ярких сфер к самым тусклым.

Войдя в свою келью, я прислонилась к закрытой двери. Сердце билось о рёбра, как птица в клетке.

Завтра. Его кабинет. Обсуждение методов.

Он видел меня уязвимой, напуганной, нарушившей границы. И это, кажется, его не рассердило, а заинтересовало ещё больше.

«Проект «Адаптация», – подумала я, пробираясь к узкой кровати. – Этап 3: «Прямое взаимодействие с фактором власти». Цель: не быть выброшенной из окна башни за воровство лаванды и горячей воды».

Искра устроилась у меня в ногах, свернувшись клубком. Её ровное, глубокое дыхание постепенно успокаивало мой бешеный пульс.

Я заснула с чётким пониманием: случайностей в этой башне не было. И мой пушистый навигатор, возможно, был умнее, чем я думала. А завтра меня ждала не просто встреча. Ждала оценка. И, возможно, предложение, от которого нельзя будет отказаться. Последней мыслью перед сном было: «Какой КПД у его предложений?» И это была уже не паника, а холодный, профессиональный интерес.

ГЛАВА 5 Первый прорыв

Утро в башне начиналось не с медного рёва, а с едва уловимой, нарастающей вибрации в стенах. Казалось, сама каменная громада просыпалась, вбирая в себя энергию нового дня. Я лежала с открытыми глазами, слушая этот гул и наблюдая, как первые лучи солнца, пробиваясь сквозь маленькое окно, выхватывали из темноты знакомый пушистый комок на стуле. Искра уже бодрствовала. Она сидела, вылизывая лапу с сосредоточенным видом хирурга перед операцией, а её огромные глаза, отражающие скудный свет, казались двумя бездонными озёрами. Сегодня мне предстояло идти к нему.

Мысль об этом заставляла сердце биться неровно, но уже не только от страха. Было что-то иное – предвкушение сложной задачи, вызова. Вчерашний шок от встречи в ванной комнате притупился, уступив место холодной, почти профессиональной аналитике. Он увидел меня в уязвимости. Это был минус. Но он также увидел находчивость в архиве. И, что важнее, увидел результат. В его мире, судя по всему, ценились только результаты. Мне нужно было превратить вчерашнюю оплошность из катастрофы в курьёз, а свои навыки – в очевидную пользу. Я мысленно составила список аргументов, репетируя возможные ответы на его вопросы. Мой главный козырь был прост: я вижу то, что они не видят, потому что смотрю с другой стороны.

Архив встретил меня тем же запахом пыли и молчаливой враждебностью Орвина. Он лишь кивнул на мои вчерашние стопки, даже не отрываясь от своего свитка. Его обида витала в воздухе гуще пергаментной пыли. Я молча принялась за работу, продолжив свою классификацию. Но сегодня я делала не только это. Я начала вести конспект. На чистом листе я чертила простейшие таблицы: дата, место, тип явления, описанная сила (моя оценка), возможные последствия. Это были зачатки будущего отчёта. Доказательство, что моя «система» – не просто причуда, а инструмент.

– И что это за каракули? – раздался у меня над ухом язвительный шёпот. Орвин подкрался неслышно. – Это что, гадания на кофейной гуще?

– Это способ быстро найти связь между «пением духов» в одной трубе и «икотой пламени» в трёх кварталах дальше, – парировала я, не отрываясь от таблицы. – Чтобы не тратить три дня на догадки, как ваш инспектор.

Он фыркнул, но в его глазах мелькнуло нечто похожее на любопытство, прежде чем он снова нахмурился и удалился к своему столу. Маленькая победа.

Примерно через час дверь снова растворилась без звука. На пороге стоял Каэлен. На сей раз он был одет не в парадный камзол, а в простой, но безупречно сшитый тёмно-серый дублет и штаны. Он выглядел как человек, готовый к работе, а не к приёму. Его взгляд сразу нашёл меня, проигнорировав Орвина, который замер в почтительном, но неловком полупоклоне.

– Со мной, – сказал он коротко, поворачиваясь к двери.

Я встала, отложив перо. Искра, дремавшая на стопке, мгновенно проснулась и запрыгнула мне на плечо, заняв свой привычный наблюдательный пост. Каэлен заметил это движение, и угол его губ дрогнул на миллиметр – не улыбка, а скорее мимолётная отметка факта. Он развернулся и вышел. Я последовала, чувствуя на спине колющий взгляд хранителя. Дверь закрылась за мной, отсекая мир пыльных свитков и тихой вражды.

Мы шли по другим коридорам, спускались по узкой винтовой лестнице в самое сердце башни. Воздух становился теплее, влажнее, а гул – ощутимее. Он исходил отовсюду: из-под плит пола, из стен. Здесь бился пульс всего здания. Я краем глаза заметила в нишах странные устройства – кристаллы, опутанные металлическими нитями, от которых шли мерцающие жилы прямо в камень. Это была не просто магия. Это была инженерия, чудовищно сложная и прекрасная. Мои пальцы чесались потрогать, разобраться, как оно работает.

Кабинет лорда д'Амори оказался не похожим ни на что, что я могла представить. Это была не комната для приёмов с гобеленами и трофеями. Это был командный центр. Огромный стол был завален не бумагами, а кристаллическими пластинами, на поверхности которых переливались и перемещались светящиеся схемы. На одной стене висела гигантская карта города, но не нарисованная – составленная из того же мерцающего света. На ней пульсировали разноцветные точки и линии. Я замерла на пороге, поражённая. Это был интерфейс. Магический, но интерфейс управления целым городом. Искра на моём плече издала тихий, восхищённый щебет.

– Войди и закрой дверь, – раздался его голос. Он стоял у карты, спиной ко мне, изучая один из участков, где светился тревожный оранжевый цвет. Его пальцы парили в сантиметре от поверхности, и свет под ними реагировал, выдавая новые слои информации.

Я вошла, стараясь не смотреть по сторонам с нескрываемым любопытством деревенщины, но это было невозможно. Моё инженерное сердце забилося чаще. Это было как попасть в центр управления полётами, если бы его построили алхимики и поэты. Каэлен обернулся. Его ледяные глаза остановились на мне, затем перешли на Искру, которая, кажется, решила, что это место ей нравится гораздо больше архива.

– Ты оставила в архиве впечатление, – начал он без преамбул, отходя от карты и приближаясь к столу. – Орвин, конечно, считает тебя выскочкой, испортившей его идеальный хаос. Но хаос, который можно описать за минуту, перестаёт быть хаосом. Он становится данностью. Управляемой данностью.

Он сделал паузу, давая мне понять, что его интересует не моё оправдание по поводу ванной, а суть. Он сел в кресло за столом, откинулся и сложил пальцы домиком, ожидая.

– Милорд, я просто... увидела закономерность, – осторожно начала я, чувствуя, как сохнет во рту. – Все отчёты – это рассказы. Поэмы. В них нет чисел. Невозможно понять тренд, силу, связь одного события с другим. Я лишь попыталась перевести рассказы... в данные. Чтобы можно было их сравнивать, строить графики, предсказывать следующую поломку, а не ждать, когда «водяной дух рассердится» и затопит полквартала.

– «Данные», – повторил он это странное для него слово, пробуя его на вкус. – Интересный термин. Сухой. Безликий. Как раз то, чего не хватает всем этим вдохновенным болтунам. И как твои... «данные» говорят тебе о состоянии Восточного коллектора, отчёт о котором ты так ловко нашла?

Это был экзамен. Я собралась с мыслями, вспоминая сухой пересказ того свитка и свои пометки на полях.

– По описанию, «водяные духи в трубах поют на два тона ниже и хрипят». Если перевести: резонанс в магическом контуре сменился. Вероятно, где-то образовался засор или разгерметизация, которая искажает поток энергии. Это не катастрофа, но если не чинить, «хрип» перейдёт в «кашель», а потом поток может и вовсе прерваться. Нужна диагностика на месте. И, судя по совпадению с датами, это может быть связано с недавними работами на соседней улице – там «земля дрожала от шагов каменных великанов», то есть, вероятно, было строительство, которое могло повредить подземные каналы.

Каэлен слушал, не двигаясь, его лицо было непроницаемой маской. Потом он медленно кивнул, и в его взгляде вспыхнула искра одобрения, быстро погашенная.

– Практически дословный вывод моего инспектора, на составление которого у него ушло три дня. У тебя – полчаса работы с бумагой. Объясни, как? Ты чувствуешь магию? Слышишь этих самых «духов»?

Вопрос был прямым и опасным. Тут было нельзя врать. Но и правду говорить было нельзя.

– Я... не знаю, милорд, – сказала я честно, опуская глаза. – Я не чувствую магию. И духов не слышу. Наверное, мне просто привычнее видеть не духов, а системы. Трубы, давление,

потоки, связи. Если что-то хрипит – ищи засор. Если поёт не в той тональности – проверь целостность контура. Даже если они магические, на каком-то базовом уровне это всё равно физика. Только... с другими переменными.

– Даже если они магические, – он повторил за мной, и в его голосе прозвучала тень чего-то, похожего на удовлетворение. – Это и есть твой дар, Алесса. Или твоё проклятие. Ты смотришь на магию и видишь в ней... инженерию. Механику. Ты разбираешь заклинание на винтики и шпунтики. Для большинства магов это кощунство. Для меня... это свежий ветер в застоявшемся болоте традиций.

Он подошёл к стене с картой, провёл рукой, и изображение сменилось, показав схему водных потоков города. Светящиеся голубые линии текли, переплетались, в некоторых местах их течение было прерывистым.

– Этот мир построен на вере, традиции и силе воли. Маги учатся чувствовать потоки, а не рассчитывать их. Ты приносишь в него холодный расчёт. Это опасно. Для тебя – потому что традиционалисты в Совете сожгут тебя на костре за ересь. И потенциально полезно для меня – потому что расчёт даёт контроль. Предсказуемость.

Он снова посмотрел на меня, и его взгляд стал тяжёлым, как свинец.

– Орвин будет вести архив по-старому. Для отчётности перед Советом. Ты будешь работать здесь. Твоя задача – анализировать все поступающие отчёты о сбоях в городской сети: вода, свет, тепло. Переводить поэзию в твои «данные». Выявлять закономерности, которые ускользают от магов, слишком близко стоящих к своему дару. Они чувствуют боль системы, как свою. Ты должна поставить ей диагноз по симптомам. Ты будешь моим... диагностом. На удалёнке. Никто, кроме меня и тебя, не будет знать о полном объёме твоей работы. Понятно?

Это было больше, чем я могла надеяться. И в тысячу раз страшнее. Меня втягивали в его игры, в самое ядро его власти. И предлагали инструменты, о которых я не смела мечтать.

– А... а если я ошибусь? – спросила я, и голос мой предательски дрогнул, выдавая весь страх. – Если мои «винтики и шпунтики» не сработают, и из-за этого что-то рухнет?

– Если ты ошибёшься из-за глупости, лени или желания выслужиться, тебя вышвырнут обратно на кухню к Берте, и твоя карьера закончится. Если ошибёшься, потому что система сложна, непредсказуема или потому что мы оба чего-то не учли... – он сделал паузу, – значит, мы оба получим новый опыт. Я не требую чудес. Я требую иного взгляда. Чёткого, незамутнённого догмами. Цена ошибки будет высокой, но цена бездействия – ещё выше.

Он говорил со мной не как с служанкой или даже архивариусом. Он говорил как с коллегой. Пусть младшим, подчинённым, неопытным специалистом, но коллегой, чей ум представляет ценность. Это кружило голову сильнее любого вина.

– Всё поняла, милорд, – сказала я твёрже.

– Хорошо. Это твоё место. – Он указал на небольшой столик в углу, рядом с одной из светящихся стен-панелей. На нём уже лежала аккуратная стопка свежих свитков, стопка чистых листов, несколько острых перьев и маленькая, но явно мощная светящаяся сфера в медной оправе – магическая лампа. – Начни с этих. Отчёты за последнюю неделю по всем районам. Я жду сводку к вечеру. Кратко. По сути. Без лирики.

И он снова отвернулся к карте, погружившись в изучение оранжевой точки, вычеркнув меня из своего поля зрения так же окончательно, как выключают прибор. Разговор был окончен.

Я подошла к своему новому рабочему месту, опустилась на стул. Искра спрыгнула на стол, обошла его, тычась носом в новые, странно пахнущие предметы, и устроилась прямо на светящейся стене, как на тёплой печке. Стена слегка померкла под её телом, затем снова набрала яркость, адаптировавшись, будто это было в порядке вещей. Зверёк мурлыкнул от удовольствия.

Я взяла первый свиток. Теперь это была не каторга, не тест и даже не просто задача. Это была миссия. Моя миссия в этом странном мире. Я остро ощущала его присутствие в нескольких шагах. Его концентрацию, его силу, исходящую от него почти физическим давлением. Это не было комфортно. Это было как работать в непосредственной близости от работающего реактора. Но это также было самым ясным и чётким вызовом, который бросало мне это мироздание с момента моего падения. Здесь, в этой комнате, мой странный дар оказался не проклятием, а инструментом. И этот инструмент был нужен.

Я погрузилась в работу. Теперь я знала, для кого и для чего это делаю. Мои пометки стали увереннее, таблицы сложнее, я начала рисовать простые схемы на полях, связывая события стрелочками. Я соединяла события из разных отчётов, находя пересечения: падение давления в одном районе совпало со всплеском геомагической активности в другом и странными «снами» жителей третьего, которые жаловались на «тяжёлые сны». Возможно, это была случайность. А возможно – причинно-следственная связь через общий подземный резонанс. Я выписывала гипотезы, пометая их знаком вопроса.

Раз в час я краем глаза видела, как он подходит к карте или одной из пластин, вносит какие-то коррективы лёгкими, точными жестами. Светящиеся линии перестраивались, точки меняли цвет. Он управлял всем этим огромным, живым организмом города. И теперь я, в каком-то микроскопическом, но важном масштабе, помогала ему ставить диагноз. Мы не обменялись больше ни словом до самого вечера. В комнате стояла тишина, нарушаемая только шуршанием моего пера, тихим мурлыканьем Искры и едва слышным гулом энергии.

Когда свет из высоких окон начал гаснуть, окрашивая комнату в сизые сумерки, а светящиеся схемы заиграли новыми, более яркими красками, я закончила. Передо мной лежал краткий, но плотно структурированный отчёт на трёх листах: список проблем, отсортированный по приоритету (от «требует немедленного вмешательства» до «наблюдать»), с моими предположениями о причинах и, где это было возможно, с предложениями по проверке. Я встала, кости затрещали от долгого сидения, и, сделав шаг к его столу, замерла, не решаясь прервать его размышления.

Он почувствовал моё движение или просто отсчитал время. Обернулся.

– Готово?

– Да, милорд.

– Оставь на столе. Иди. Завтра в то же время.

Я кивнула, положила листы на край его стола, рядом с одной из хрустальных пластин, и пошла к двери, собирая со своего стола Искру, которая нехотя проснулась.

– Алесса.

Я обернулась, сердце ёкнуло. Он смотрел не на отчёт, а на меня. И в его взгляде не было ни одобрения, ни порицания. Был просто расчёт, смешанный с лёгким, почти неуловимым любопытством.

– Твоя лумошка. Она ворует?

Вопрос был настолько неожиданным, бытовым и неуместным в этой комнате высоких технологий и магии, что я рассмеялась. Коротко, нервно, но искренне.

– Эм... только блестящие безделушки, милорд. И еду, если плохо спрятать. Значит, в ваших карманах и на столах пока всё в порядке.

На его лице снова мелькнула та самая тень, похожая на улыбку. Очень быстрая, как вспышка молнии на дальнем горизонте.

– Следи, чтобы не утянула что-нибудь важное с этих панелей. Материализованная энергия может быть для неё... токсичной. Может кончиться плохо. Для неё.

Это было не угроза. Это было деловое предупреждение. Защита его имущества и одновременно... странная, осторожная забота о глупом зверьке, который явно ему симпатизировал?

– Постараюсь, – прошептала я. – Спасибо.

Он уже отвернулся, его внимание снова приковала карта. Я выскользнула из кабинета, и дверь бесшумно задвинулась за мной.

В прохладном, тихом коридоре я прислонилась к каменной стене, позволяя дрожи, копившейся всё это время, наконец вырваться наружу. Адреналин начал отступать, оставляя после себя приятную, сладковатую усталость и лёгкое головокружение от свершённого. Я только что провела день в нервном центре власти. Не как служанка, не как пленная. Как специалист. И выжила. И даже, чёрт побери, оказалась полезной.

Искра, сидя на плече, потянулась и громко, блаженно мурлыкнула прямо у меня в ухо, а затем нежно ткнулась мокрым носом в щёку, словно говоря: «Ну вот, я же говорила, что ты справишься. А теперь не медли, героиня труда, меня ждёт ужин. Я слышала, на кухне сегодня рыба».

Я засмеялась уже по-настоящему, пошла в свою комнату, чувствуя, как внутри разгорается маленький, но упрямый и тёплый огонёк. Не надежды на спасение или возвращение. Азарта. Здесь была задача, сложная, реальная и безумно интересная. И начальник, который был моим главным врагом и единственным союзником одновременно. Но враг, который платил за работу не только кровлей и едой, но и интеллектуальным вызовом, уважением к уму и доступом к чудесам. После Алексея и его лживых «совместных планов» это был глоток ледяной, чистой, честной горной воды. Пусть и налитой из магического источника под страшным давлением.

ГЛАВА 6 Казус «Почти-поцелуй» №1

Неделя в кабинете Каэлена пролетела в едином ритме: утренняя тряска от гула башни, завтрак, путь по мерцающим коридорам, погружение в свитки. Я стала частью механизма его управления, маленьким, но отлаженным винтиком. Орвин в архиве теперь встречал меня почтительным кивком – слухи о моём новом статусе, пусть и смутном, сделали своё дело. Я была уже не «той дурочкой Алессой», а «той, с кем лично работает лорд д'Амори». Разница была как между грязной тряпкой и специализированным инструментом. Мне это нравилось даже меньше, но это давало безопасность.

Работа была каторжной, но захватывающей. Я выстроила целую систему условных обозначений: геометрические фигуры для типов проблем, стрелки для связей, цветовые пометки для приоритета. Каждый вечер я ощущала странное удовлетворение, кладя перед ним сводку – не просто отчёт, а ясную, логичную картину хаоса. Это был мой язык в мире, который говорил загадками. Мои отчёты, которые я клала ему на стол каждый вечер, превратились из текста в схемы с кратким пояснением. Он никогда не комментировал их содержание, лишь иногда задавал уточняющий вопрос на следующий день.

Почему ты связала падение давления в северном коллекторе с жалобами на мигрени в Лавровом переулке?

И мне приходилось объяснять свою логику: общая глубина залегания магических жил, теория резонанса. Он слушал, кивал и снова погружался в свои карты. Эти короткие диалоги были для меня важнее любой похвалы – они означали, что он всерьёз воспринимал мои выводы, подвергал их критике, использовал.

Самым странным было то, как я начала различать его настроения по едва уловимым признакам. Лёгкое постукивание пальцем с перстнем по столу означало нетерпение или несогласие. Полная неподвижность – глубочайшую концентрацию. А редкие, почти невидимые изменения в положении бровей могли означать одобрение или новую идею. Я наблюдала, как ученик наблюдает за мастером, стараясь понять логику его мыслей в этом магическом мире.

Искра стала неофициальным талисманом кабинета. Она облюбовала тёплую площадку на одной из менее ярких панелей и наблюдала за нами обоими, будто оценивая, кто лучше справляется со своей частью работы. Каэлен игнорировал её, но однажды я застала, как он, не глядя, протянул руку и почесал её за ухом, когда она протискивалась между ним и столом. Искра замерла от блаженства, а потом, как ни в чём не бывало, ускакала. Он же не изменился в лице, будто этого не происходило. Но с тех пор я заметила, что на краю его стола иногда появлялась крошечная кучка какого-то сушёного мяса. Приманка или плата за молчаливое одобрение?

Наша работа была странным танцем на расстоянии. Мы почти не разговаривали, но взаимодействовали через документы, схемы, молчаливое понимание. Он давал мне сырой материал – я возвращала ему очищенный анализ. Это была чистая, почти математическая коммуникация, и она меня устраивала. Пока не нарушила равновесие сегодняшняя головоломка.

Сегодняшняя задача была сложнее обычного. На стол легли противоречивые отчёты: в одном районе пламевики горели слишком ярко, перегревая помещения, в соседнем – еле тлели. Жители «у Солнечного фонтана» жаловались на жару и бессонницу, а в «Теневом переулке» дети кашляли от сырости и холода. По логике магического «круговорота энергии», такого быть не должно. Либо источник даёт слишком много, либо где-то гигантская утечка.

Меня это разозлило. Хаос в природе я ещё понимала, но хаос в рукотворной системе, которую кто-то должен был проектировать, был признаком чьей-то халтуры или глупости. Я склонилась над схемами, которые нарисовала на большом листе, пытаюсь проследить пути потоков по старым, едва читаемым картам инфраструктуры. На пергаменте был нарисован

красивый, но бесполезный узор из переплетающихся линий, больше похожий на гобелен, чем на технический чертёж.

Мне пришлось мысленно представлять трёхмерную модель: пласты городской почвы, каналы, узлы-усилители. В голове вертелись формулы теплопередачи и КПД, которые здесь, наверное, не работали. Но принцип сохранения энергии должен был действовать даже на магию! Нужно было найти аналог, точку, где система дала сбой. Я провела линию, затем ещё одну, потом с досадой зачёркивала. Не сходилось.

Я так увлеклась, что отключилась от внешнего мира, не слыша даже привычного гула. Не замечала, как солнце за окном прошло дугой, как тени удлиннились. Не заметила, как он встал из-за своего стола и подошёл ко мне. Наверное, я что-то бормотала себе под нос, как всегда, когда мозг работал на пределе – короткие, отрывистые фразы: «Не может быть... Если здесь, то здесь должно... Но тогда тут...»

Я почувствовала его приближение лишь по лёгкому изменению давления в воздухе и знакомому, едва уловимому запаху – дым, холодный камень и что-то пряное, вроде гвоздики или кардамона. Этот запах стал для меня маркером его присутствия, и тело узнавало его раньше сознания. Я замерла, перо застыло в воздухе.

Проблема?

Его голос прозвучал прямо у меня над ухом, низкий и тихий, почти интимный в тишине кабинета.

Я вздрогнула и отпрянула, но он уже наклонился над моим чертежом, его плечо почти касалось моего. Рукав его дублета скользнул по моей руке – шершавая ткань, тепло тела под ней. Он изучал мои каракули – круги, обозначавшие узлы, и линии между ними, его глаза быстро двигались, схватывая суть.

Кажется, да.

Мой голос прозвучал хрипло. Я старалась, чтобы он не дрогнул от неожиданной близости, но сердце колотилось где-то в горле. Было неловко, что он застал меня в тупике, но и странно приятно, что он подошёл сам, проявил интерес.

Здесь нарушен баланс. Если представить, что магическая энергия течёт как жидкость или тепло... то здесь, – я ткнула пальцем в точку на схеме, – должно быть «сужение», сопротивление. Или, наоборот, «короткое замыкание». Отчёты говорят и о перегреве, и об остывании. Это взаимоисключающие вещи, если система едина.

Он молча слушал, его глаза следили за движением моего пальца. Его дыхание было ровным и спокойным, в отличие от моего сбившегося. Потом он медленно протянул свою руку и положил указательный палец на другое место схемы, чуть выше моего. Наши пальцы почти соприкасались. Кожа его руки была бледной, с тонкими прожилками, но пальцы сильные, с чёткими суставами. Палец с фамильным перстнем лежал чуть в стороне.

Если система не едина, – сказал он тихо, задумчиво, будто размышлял вслух. – Если здесь был сделан... несанкционированный отвод. Самодельная врезка. Для личных нужд кого-то из местных магов-ремесленников, который не захотел платить за легальное подключение. Это создало петлю. Здесь – перегруз. Здесь – недополучение. Энергия закикливается и выгорает вхолостую.

Его объяснение было простым и гениальным. Воровство энергии. Магическое хищение, банальное и приземлённое, как кража дров или воды. Я посмотрела на него, потом на схему, и всё встало на свои места. Мой мозг, который бился над абстрактными «сбоями», получил конкретную, осязаемую причину. Петля обратной связи.

Да! Именно! Петля обратной связи! Энергия крутится на месте, не уходит дальше по сети! Надо искать не поломку, а вора!

В этот момент я подняла на него глаза, переполненная азартом открытия, желанием разделить эту маленькую интеллектуальную победу. Мы вместе решили загадку. Он всё ещё смот-

рел на схему, но уголки его губ снова дрогнули в том самом подобии улыбки, которое я начала узнавать. Это был не триумф, а тихое удовлетворение от найденного изящного решения. Нас разделяли сантиметры. Я видела каждую ресницу, тонкие морщинки у глаз от постоянного напряжения, бледный шрам на скуле, который вблизи казался не страшным шрамом воина, а знаком усталости, шрамом человека, который слишком много нёс и слишком рано научился не доверять. Я почувствовала тепло его тела, исходящее через тонкую ткань дублета, и это тепло было не магическим, а простым, человеческим. Воздух между нами вдруг стал густым, тяжёлым, звонким. В ушах зашумела кровь, заглушая даже вечный гул башни.

Мой взгляд непроизвольно упал на его губы. Тонкие, чётко очерченные, обычно плотно сжатые. Сейчас они были чуть приоткрыты. Он обернулся ко мне, чтобы что-то сказать, и наш взгляд встретился. Ледяная синева его глаз показалась внезапно не холодной, а бездонной, как озеро в горах – кажущееся спокойным, но таящее глубины и течения. В них отразилось моё собственное растерянное лицо, широко раскрытые глаза, румянец на щеках. Время замедлилось, растянулось, потеряло смысл. Всё во мне замерло и в то же время закричало. Пространство кабинета, со всеми его чудесами, сузилось до точки между нашими лицами. Инстинкт, гораздо более древний, чем инженерная логика, сработал мгновенно: близость, опасность, притяжение. Веки мои сами собой прикрылись, дыхание застряло в горле. Я превратилась в комок ожидания, чувственности и дикого, животного страха. Прошёл миг. Другой. Я слышала только стук собственного сердца и тишину, в которой он не двигался.

Я чувствовала его дыхание на своей коже. Ждала. Ждала чего? Прикосновения? Слова? Отстранения? Сердце колотилось так, что, казалось, он должен его слышать. Это была абсурдная, нелепая, прекрасная и ужасающая секунда полного отказа от контроля. В голове пронеслись обрывки мыслей: «А что если?.. Нет, это безумие... Но он так близко...»

И тут он выпрямился. Резко, словно отдернув руку от горячего или очнувшись от забытья. Тепло и напряжение испарились, сменившись леденящей пустотой разорвавшейся связи. Он сделал шаг назад, и расстояние между нами стало снова безопасным, непреодолимым. Его лицо стало каменным, непроницаемым. Тот момент уязвимости и совместного открытия был начисто стёрт.

Петля обратной связи, – повторил он своим обычным, ровным, деловым тоном, как будто ничего не произошло. Как будто последние тридцать секунд были просто паузой для размышления. – Точная формулировка. Завтра отправлю инспекцию проверить этот район на предмет несанкционированных врезок. Если твоя гипотеза подтвердится, это сэкономит гильдии неделю работы и кучу золота. Продолжай анализировать следующую пачку. Особое внимание на район Старых Кузниц, там похожие симптомы, но менее выраженные.

Он развернулся и ушёл обратно к своему столу, к своим мерцающим картам, к своим кристаллическим пластинам. Оставил меня стоять у моего стола с горящими щеками, дрожащими руками и диким, оглушительным чувством стыда, облегчения и какой-то щемящей, дурацкой потери. Мой мозг, отключившийся на несколько секунд, снова заработал с бешеной скоростью, выдавая единственную мысль: «Идиотка. Самоуверенная, наивная идиотка. Он думал о схеме. Только о схеме. О золоте, которое экономит. А ты... ты нафантазировала себе бог знает что».

Я медленно опустила на стул, сглотив комок в горле. Руки дрожали так, что я не могла взять перо. Я устала в свой чертёж, но видела только его палец рядом с моим, его профиль в полумраке, освещённый мерцанием панелей. Мне было жарко, а потом холодно. Я чуть не сделала непростительную глупость – приняла профессиональную близость за нечто большее. В моём мире это уже однажды закончилось катастрофой. И вот я, якобы наученная горьким опытом, снова повелась на ту же удочку. Только теперь ставки были в тысячу раз выше.

Искра, наблюдавшая за всей сценой со своей панели, тихонько щебетнула. Звук был настолько похож на сдержанный хихикающий вздох, что я бросила на неё убийственный взгляд.

Она немедленно притворилась спящей, но один глаз приоткрылся, сияя зелёным огоньком в полутьме, полный кошачьего (или лумошечьего) снисхождения к человеческой глупости.

Я попыталась снова сосредоточиться на схеме, но линии расплывались, цифры путались. Я всё ещё чувствовала призрачное тепло его плеча, слышала его тихий голос так близко. Это был профессиональный интерес. Только интерес. Он был лордом д'Амори, магом, властителем, человеком, который держал в голове схемы целого города и, вероятно, десятки таких же сложных игр. Я была... инструментом. Полезным, любопытным, даже ценным, но инструментом. Инструменты не целуют. Их используют, проверяют на точность, иногда чинят, если поломка несерьёзная. И выбрасывают, когда появляется более совершенная модель или когда они начинают давать сбои, мешая работе. Эта мысль была как ушат ледяной воды. Она принесла не боль, а ясность. Горькую, трезвую, отрезвляющую ясность.

С этого момента я избегала смотреть в его сторону. Я уткнулась в свитки, делая вид, что полностью поглощена расшифровкой почерка какого-то особенно витиеватого мага-наблюдателя, который описал треснувшую руну как «слёзную дорожку на лице каменного стража». Весь оставшийся день я чувствовала его взгляд на себе – тяжёлый, оценивающий, будто проверяющий, не повредил ли этот неловкий момент работоспособности детали. Или мне это только казалось? Паранойя стала моим новым спутником. Каждый шорох его одежды, каждый шаг по каменному полу заставлял меня внутренне вздрагивать.

Я работала автоматически, выдавая к вечеру какой-то бледный, лишённый инсайтов подобие отчёта, просто переписывая факты без анализа. Положила его на край его стола, не поднимая глаз, и, не дожидаясь увольнения или комментария, выскочила из кабинета, как ошпаренная, едва слыша, как Искра скакала за мной по коридору.

В своей комнате я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и затем медленно сползла на пол, уткнувшись лицом в колени. Стыд жёг изнутри, как кислота. Не из-за того, что он меня не поцеловал. Из-за того, что я этого ждала. Желала? На мгновение – да, чёрт побери. Это было предательством по отношению к себе, к своим принципам, к своему железному решению не ввязываться ни в какие истории, особенно с кем-то, кто был воплощением всего, против чего я всегда боролась: власть, манипуляции, использование людей. Особенно с кем-то вроде него. Я нарушила собственные правила в первую же неделю. И всё из-за чего? Из-за близости, интеллектуального резонанса и проклятого одиночества, которое грызло меня изнутри, как червь.

«Проект «Адаптация», – мысленно прошипела я в тишине комнаты, чувствуя, как по щеке скатывается предательская слеза злости на саму себя. – Чертова глава «Межличностные отношения с фактором власти». Результат: критический провал. Участник продемонстрировал полную потерю профессиональной дистанции, интерпретировал профессиональный интерес как личный и нафантазировала себе несуществующие нарративы. Рекомендация: полная перезагрузка поведения. Вернуться к парадигме «инструмент – оператор». Свести общение к односложным ответам. Избегать зрительного контакта продолжительнее трёх секунд.

Искра слезла со своей любимой полки и подошла, тыкаясь влажным носом в мою руку. Потом запрыгнула ко мне на колени и улеглась, начиная громко мурлыкать, её тело вибрировало успокаивающим теплом. Она не понимала ни стыда, ни сложных человеческих игр. Для неё мир был прост: тепло, еда, безопасность и я – источник всего этого.

– И ты тоже, предательница, – пробормотала я ей, вытирая лицо рукавом. – Хихикала. Поддерживала его сторону. Забыла, чья рука тебя кормит.

Она лизнула меня в нос, а потом вскочила и принесла в зубах с подоконника тот самый гладкий камешек – наш первый общий талисман. Положила его мне на колени. Глупый, немой жест поддержки от существа, которое вообще не должно было понимать таких тонкостей. Я взяла камешек, сжала в ладони до боли. Его острые края впились в кожу. Он был настоящим. Он был моим. Твёрдым, холодным, неизменным. Всё остальное – иллюзии, навешанные оди-

ночеством, усталостью, стрессом и опасной близостью к источнику сильного, искажающего реальность магнитного поля по имени Каэлен д'Амори.

Завтра нужно будет прийти и работать как ни в чём не бывало. С холодным, как камень, лицом, опущенными глазами и чёткими, сухими, техническими ответами. Сделать вид, что ничего не было. Что этот момент близости был галлюцинацией от усталости. Потому что для него так и было – ничего. Просто пауза в работе. Эта мысль была одновременно унижительной и спасительной. Значит, всё можно исправить. Вернуться в рамки. Быть лучшим, самым незаменимым инструментом в его коллекции. Настолько полезным, точным и безотказным, что даже мысль о том, чтобы выбросить или заменить, будет казаться экономическим безумием.

Я заснула, всё ещё чувствуя на губах призрак чужого дыхания и проклиная свою глупую, одинокую, изголодавшуюся по простому человеческому теплу душу, которая даже здесь, в другом мире, в самой пасти дракона, умудрялась подбрасывать самые нелепые, опасные и неуместные сценарии. Но под подушкой лежал гладкий камешек. А в ногах, свернувшись тугой пружиной, спала тёплая, пушистая, безмолвная союзница, похитившая когда-то у меня кусок хлеба, а теперь охранявшая мой сон. Это было хоть что-то. Это было моё. И этого, как я теперь понимала, было более чем достаточно для выживания. Всё остальное – излишне, опасно и совершенно не по счёту.

ГЛАВА 7 Испытание под землёй

Утро началось с подарка от Искры. Решив, что я слишком загружена самобичеванием, она утащила одну из моих портянок. С триумфом водрузила её мне на голову, пока я спала.

Я проснулась с тряпкой на лице. Над ухом звучал её восторженный щебет. Пришлось признать – это было смешно. Особенно её гордый вид. Будто говорила: «Смотри, я тебя развлекаю!»

Это разрядило вчерашнее напряжение. Я даже фыркнула, снимая с себя этот «ночной колпак». Искра приняла звук за бурные аплодисменты. Она принялась лихорадочно носиться по комнате, сметая всё на своём пути.

Пришлось ловить её и успокаивать. Сунула в лапки тот самый камешек. Она тут же припратала его в новую тайную кладовку. Место знала только она.

В кабинет я шла с твёрдым решением. Решила быть человеческим аналогом счётной линейки. Полезной. Безэмоциональной. Абсолютно предсказуемой.

Я репетировала в уме короткие, сухие ответы. «Да, милорд». «Нет, милорд». «Проверю, милорд». Мой план был прост. Нужно сделать себя настолько скучной и функциональной, чтобы тень мысли о вчерашнем моменте даже не возникла.

Но планы смешала реальность. Вернее, Каэлен.

Он встретил меня не у стола, а у двери. Был уже в дорожном плаще поверх простой одежды. В руках держал пару странных посохов.

На его лице не было ни намёка на вчерашнюю странность. Только деловая сосредоточенность. Это, как ни парадоксально, немного успокоило.

– Сегодня теорию проверяем на практике, – заявил он без преамбул.

Он протянул один посох. Я машинально взяла его.

– Инспекция подтвердила твою гипотезу. В районе Солнечного фонтана нашли кустарную врезку. Мастера уже её отключили. Теперь нужно локализовать точное место повреждения в коллекторе. И оценить масштаб. Понять, не задело ли оно соседние магистрали. Идёшь со мной.

Это был не вопрос.

– Надеюсь, у тебя нет боязни замкнутого пространства. Или... своеобразных ароматов, – добавил он.

Посох оказался лёгким, деревянным. На конце крупный кристалл тускло светился голубоватым светом. «Фонарик», – с облегчением подумала я. Значит, физика света тут хоть как-то работает.

Я глянула на Искру. Она уже деловито обнюхивала подол его плаща. Запах пыли, камня и чего-то ещё явно казался ей интересным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.